Мария
Николаева

Избавление от ЖИТИЯ

Русские корни
(1880 - 2004)

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В автобиографии автора книг по восточным практикам, известного под духовными именами Атма Ананда, Шанти Натхни и Долма Джангкху, впервые представлены сведения об истории ее русского рода с XIX в. и периоде становления в России до начала выхода книг и отъезда в Азию. Историческую ценность представляют собой более сотни архивных документов и фотографий, датируемых с самого начала XX века и отражающих важнейшие периоды российской действительности.

- Мария Владимировна Николаева
  -
  - Пролог. Псковщина – Санкт-Петербург
  - Родословная – две линии предков
    - Предварительный очерк
    - Отцовская линия предков
      - «А кем вы были до 17-го года?»
      - «Беспартийный большевик» и Роза
      - Блокада, Целина, полвека в НИИ
    - Материнская линия предков
      - От дореволюционных барж – до советской подлодки
      - Блокада Ленинграда и батальон ПВО
    - Архивные родовые фотографии
  - Детство и отрочество (1971–1988)
    - Воплощение (1971–1974)
    - Детство на хуторе (1974–1978)
    - Тройная школа (1978–1988)
  - Образование и работа (1988–2004)
    - От поэзии к философии – и далее…
    - Лучше гор могут быть только горы…
    - Биолух Царя Небесного (Биофак ЛГУ)
    - «Путь воина» и «Игра в бисер»
    - Психиатрическая лечебница
    - Хождение по моргам
    - Валаамский монастырь – православие
    - Духовное делание по «Добротолюбию»
    - Еврейский университет (преподавание)
    - Экстрасенсорика и православие
    - «Сопровождение умирающих» – дело самих…
    - Воспоминания о научном руководителе
    - Выдающиеся ученые России

- Индология и философия йоги
- Два года санскрита и хинди
- Бхагаван Шри Сатья Саи Баба
- «О божественных именах» – мое триединство

○ Сведения об авторе

Мария Владимировна Николаева
Избавление от Жития: Русские корни (1880–2004)

Copyright
© 2012 М. В. Николаева
All rights reserved.

To order additional copies, please contact us.
www.createspace.com

Пролог. Псковщина – Санкт-Петербург

В первом томе автобиографии представлены в основном родовые линии и архивные фотографии, а также период моего становления в России до отъезда в Азию. Здесь не будет последовательного повествования – скорее, выделены именно направления судеб моих предков и роковые моменты, которые предопределяли все последующее. Самые ранние, доселе сохранившиеся документы датируются 1880 годом, а весь XX век был чрезвычайно насыщен событиями, через которые прошли без уклонения все члены моего рода – это становление и развал советского строя: разруха, голод, коллективизация, репрессии, война, целина, перестройка и пр. Хотя почти все мои предки – выходцы со Псковщины, «земли русской» в самом историческом смысле, уже прадеды так или иначе начали перебираться в Санкт-Петербург, а деды осели там прочно с молодости. С детства я существовала сразу в двух мирах – русская деревня в глубинке и столичное «окно в Европу».

Даже в моем творческом развитии я буду выделять лишь ключевые периоды и значимые фигуры. Тем более что молодость с 17 лет совпала с периодом Перестройки и выдалась особенно «бурной», поэтому событий происходило слишком много. Хотя поездки в Индию начались в 25 лет, уехала из России я только в 33 года, вот почему описать все досканально просто невозможно.

Должна разочаровать любителей вычитывать сведения о «личной жизни» и связанных с нею переживаниях – ничего этого здесь почти не будет. Конечно, дело не в отсутствии личной жизни как таковой, а скорее наоборот – в ее насыщенном драматизме, во многом скрытности, на что были свои причины. Так сложилось, что все любовные связи закономерно возникали с людьми далеко неординарными, а нередко и «широко известными в узких кругах», и даже фигура моего законного супруга окутана ореолом некой тайны: хотя он доселе не стяжал вящей славы, а наоборот всячески избегал публичности, его судьба тоже вполне достойна книги. В общем, здесь нужно было бы говорить «все или ничего», поэтому отложим эту тему до глубокой старости.

Зачем вообще понадобилось писать автобиографию мне в возрасте всего 40 лет, вполне понятно читателям моих книг, где ни абстрактный философский дискурс, ни техническое описание духовных практик не дают ответа на вопрос о личности автора. В самом начале превращения в «публичную фигуру», когда вышла

сразу целая серия моих книг в популярном издательстве «Питер» и состоялся окончательный отъезд в Индию, откуда я продолжала вещать через статьи в журнале «Йога» и новые книги, многие были склонны вообще считать этот переломный этап лишь самым началом моей творческой жизни, ведь 16 лет профессиональной реализации вкупе с литературными опытами с раннего детского возраста (5 лет) никому не были известны, а мне важно было двигаться вперед, так что я никому ничего долго не объясняла. Даже возникал закономерный вопрос: «А кто вы вообще такая?», – то есть откуда все вдруг взялось, как будто прямо из ничего. Да, все возникает из ничего и возвращается в ничто. Сейчас у меня появилось время на рефлексию, и я могу ответить на этот вопрос.

Отрывочность заметок связана также с их первоначальной публикацией в качестве постов в моем блоге, которые постепенно накапливались более года на русском языке уже после того, как вышла моя краткая духовная автобиография ‘Out of Biography’ на английском в США. Это новое собрание нисколько не является ее переводом, а данный том как раз наоборот охватывает те события раннего периода, которые были изложены там лаконично в виде справки всего на нескольких страницах, а остальное – про Азию.

Некоторое исключение мне придется сделать для моих ранних поездок в Индию, которые относятся еще к периоду жизни в России, поскольку каждые полгода, проведенные мною зарубежом, перемежались парой лет на родине. В итоге, я обычно прибавляю пару лет в Индии к моему общему азиатскому «стажу» без уточнений, что они относятся к переходному периоду, когда Восток начал перевешивать Запад еще в так называемой Евразии. Чтобы не было путаницы, все эти поездки я просто описываю в одном разделе как новую линию, которая начала вплетаться в мою российскую действительность. Сюда же отчасти относится получение индологического образования и резкое переключение на восточные практики, которые сделали мою жизнь нерусской даже в России, хотя и включены в часть с таким названием.

Родословная – две линии предков

Предварительный очерк

Часто удивляются, почему практически вообще ничего не известно о моей семье – не выросла ли я сиротой в детдоме или не были ли мои предки людьми вовсе никчемными… Здесь все проще – последние 20 лет самостоятельной жизни семья на меня действительно перестала оказывать какое-либо влияние, а после того, как я перестала появляться на родине, контакты остались только виртуальные и весьма спорадические, хотя и позитивные. Немного о прошлом – родственники личностно значимые.

ДЕД – Царёв Алексей Арсентьевич

Фигура в своем роде легендарная и самобытная – прошел три войны (финскую, отечественную и японскую), отслужив в подводном флоте добрых 10 лет. Во время блокады Ленинграда воевал на Балтике командиром торпедного аппарата на подводной лодке «Лембит», которая позже стала музеем в Таллине (открыт к 40-летию Победы в ВОВ в 1985). Командир корабля был удостоен звания героя Советского Союза и написал книгу «По морским дорогам», где в нескольких местах упоминает и моего деда. Недавно эта книга была переиздана под названием «В глубинах Балтики». В советские времена дед ездил в Таллин выступать с речью перед пионерами, хотя и был не склонен к публичности.

После войны дед устроился работать в суде, что едва ли добавило ему душевного покоя, так что это был классический «семейный тиран», впрочем, буднично скрытый в латентном состоянии. Наконец, выйдя на совсем уж заслуженный отдых он вспомнил свое хуторское происхождение и удалился в глухую псковскую деревню, купив дом на отшибе посреди полей и лесов. Там и прошло мое детство – благо говорить было как факт не с кем, я очень рано научилась читать и писать, и лет в 6 уже была сложившимся писателем и автором кучи собственных сочинений в толстых тетрадках. Впрочем, писать уже было о чем – ибо деревенская жизнь была то тихой, то драматичной.

ОТЕЦ – Николаев Владимир Александрович

Как я писала во всех анкетах: профессия – инженер, должность – начальник отдела НИИ Электро-Физической Аппаратуры, где и проработал добрых 40 лет. Я смутно понимала, чем вообще занимаются мои родители (мать – тоже инженер), но обратной стороной их технического образования была любовь к классической литературе и поэзии, поэтому вся квартира была

заставлена шкафами с книгами и заниматься самообразованием можно было не выходя из дома. Впоследствии отец опубликовал сборник своих стихов, посвященных моей матери. Так прошли мои школьные годы (опускаю сюжет «тирании» старшего брата), куда можно добавить походы в леса с пением бардовских песен по ночам у костра – лесное братство зародилась, когда отец «поднимал целину» в 60-х, а потом переросло в горный туризм – Хибины, Кавказ, Фанские горы, о чем немного позже.

ДЯДЯ – Царёв Сергей Алексеевич

Брат матери, избравший научную карьеру: кандидат биологических наук, защитивший диссертацию "Особенности биологии кабана" в Санкт-Петербургским гос. университете, проработав три года заместителем директора заповедника, и переехавший в Москву после брака с преподавателем истории в Московском гос. университете. Собственно, дядя оказал влияние на мой выбор профессии – после школы я поступила на биофак СПбГУ, устроилась на работу при университете и связалась с кафедрой геоботаники (меня даже взяли с экспедицией в Сибирь). Так в свои 17 лет я резко очутилась в научной среде, где и просуществовала целых два года заката советской империи.

Впрочем, с началом студенческой жизни я жила отдельно от семьи, а поскольку мое творчество развивалось – писала стихи, играла на гитаре и рисовала акварелью, большую часть времени я проводила в Эрмитаже и Филармонии, христианских церквях (поначалу эстетически). В 1990-м Перестройка вступила в полную силу, и в Петербурге начался настоящий философский бум, когда лекции по философии собирали целые залы – и хлынувший поток информации затопил все… Вот тогда я и решилась поменять все, написав заявления об отчислении с биофака и об увольнении из ботанического сада. Это стало настоящим перевоплощением.

Отцовская линия предков

«А кем вы были до 17-го года?»

Получила от отца нечто вроде сводной родословной по его линии предков – начинаю с конца, от первых известных сведений, которые наиболее скудные. Черновик его ставлю почти как есть, слегка упорядочивая, а часть означенных документов доставлю позже… В советские времена я могла бы гордиться батрацким происхождением, но интересно будет посмотреть дальше, как мои предки выбирались в интеллегенцию наоборот при социализме.

Прапрадед – истоки фамилии Николаевых

Дед говорил, что фамилия наша происходит от понятия "николаевский солдат". Когда широко стали внедряться фамилии, то семьям николаевских солдат часто давали фамилию Николаевы (срок службы в те времена был почти пожизненный -25 лет). Возможно, здесь просто случайное совпадение: отец прадеда Василия был николаевским солдатом и при этом его имя было Николай. Кстати, фамилия Царёвы (по материнской линии) образовалась аналогичным образом. Дело в том, что солдата в старину называли "царёв человек". Таким образом получается, что фамилия Николаев – это частный случай, имевший место во времена правления царя по имени Николай (в данном случае – Николай Первый). Единственный касающийся его документ – "Приговор от 1880 года о дозволении разделения на два дома", когда сыну прапрадеда (то есть прадеду) исполнилось 18 лет.

Прадед Василий Николаев родился примерно в 1862 году на Псковщине. Поскольку он был безземельным крестьянином, то, по некоторым сведениям, уехал на заработки из деревни и стал рабочим на Сестрорецком оружейном заводе. В словосочетании «Василий Николаев» вторая часть – это отчество (сын Николая), а не фамилия. В документе 1882 года «Свидетельство прадеда о воинской повинности» мы впервые встречаем и эту фамилию.

Там указано: «безъземельный крестьянинъ Василий Николаевичъ Николаев». В партийном личном деле деда Александра указано, что его отец – великоросс, а мать – карелка. Это позволяет сделать вывод, что прадед Василий нашел себе жену уже проживая и работая в Сестрорецке. Как следует из автобиографии деда Александра в партийном личном деле, в 1918 году прадед Василий тяжело заболел. Голод заставил его с

женой и сыном перебраться обратно на его родину – Псковщину. Там он в августе 1918 года и умер.

Прабабушка Анна Андреевна Николаева родилась примерно в 1874 году, по документу «Справка об иждивенцах деда в 1928 году». Выше выдвинуто предположение о том, что она родом из Карелии, где-то неподалеку от Сестрорецка. Но в другом документе указано, что она происходит из Псковщины: «Удостоверение 1928 года о службе бабушки Анны дворником в Сестрорецке с 1904 по 1918 годы». Этот документ выдан ее «барыней», у которой она служила до революции. Вероятно, барыня происхождение прабабушки Анны определяла просто по происхождению ее мужа. Версия о ее происхождении из Карелии представляется более правильной. Сам по себе этот документ, выданный барыней довольно любопытный. Во-первых, он наводит на размышления о пресловутых репрессиях. Во-вторых, возникает вопрос, а для чего мог прабабушке Анне потребоваться такой документ. Поскольку к этому моменту ей было 54 года, можно предположить, что она готовила документы для оформления пенсии, а ее служба у барыни могла быть засчитана в трудовой стаж. Более о прабабушке Анне сведений нет, в том числе и о дате ее смерти.

Далее информацию по этой линии буду давать парами – дед и бабушка, отец и мать. С другой линией предков сложнее, кроме героического деда, ибо фотоархивов сохранилось меньше.

«Беспартийный большевик» и Роза

Дед Александр

Дед, Николаев Александр Васильевич, родился в 1904 году под Санкт-Петербургом. Он был единственным ребенком в семье рабочего Сестрорецкого оружейного завода и прислуги в барском доме. Учился в «двухклассном» земском народном училище, которое закончил в 1917 году, по «Свидетельству об окончании училища», причем там давали образование, вполне сопоставимое со «средним». Заработка родителей хватало на вполне безбедное существование. Барыня с матерью обращалась хорошо, дарила ей на праздники подарки. Как сам дед пишет в автобиографии члена партии: «Ввиду болезни отца и безхлебия в 1918 году со всею семьею вынужден был приехать на родину отца, но здесь не имея своего угла пришлось жить кое у кого и проедать свое последнее тряпье». Когда умер отец, ему с матерью пришлось бедствовать – мать фактически батрачила, а он пас скот. Вскоре им был

выделен земельный надел после подачи «Заявления в Волземотдел».

С 1920 года началась трудовая жизнь: делопроизводителем ЗАГСа, секретарем волостного исполкома, бухгалтером и т. д., что зафиксировано в «Документах совслужащего». В 1924 году он вступил в комсомол, в 1926 году – в партию. В том же году женился, и вскоре у него родился сын. Работая на Псковщине, дед являлся активным корреспондентом различных газет, о чем говорит «Удостоверение члена губсовещания рабселькоров», а также сохранившиеся многочисленные вырезки его статей и фотографий из газет. В 1927 году он был призван на военные сборы, отраженные в «Удостоверении делегата» и фотографиях, а в 1928 году направлен на учебу в Совпартшколу, получив «Удостоверение курсанта». В 1930 году работал в Областном земельном управлении Леноблисполкома, имея «Удостоверение командированного». В 1931 году стал членом Лычковского райисполкома, согласно «Удостоверению кандидата в члены президиума», далее работал в «Льносоюзе» по «Удостоверению председателя».

В 1933 году, как управляющий районной конторой «Заготлён», был обвинен в нецелевом расходовании продовольственных фондов (как он рассказывал, он старался поддержать людей, которые голодали, но это тогда во внимание не принималось) и был осужден на 6 лет, что зафиксировано в «Выписке из приговора суда». Тогда же он был исключен из партии, но в дальнейшем всегда называл себя «беспартийный большевик». Впрочем, всего через полтора года за примерное поведение и большую общественную работу в местах заключения был досрочно освобожден с «Удостоверением о досрочном освобождении». Интересно, что этот документ в совокупности другими – такими как «Пропуск на свободный выход из изолятора» и «Удостоверение конвоира» – наводит на размышление о том, действительно ли существовал террор 30-х годов, каким нам он преподносится сегодня.

С 1935 года дед переезжает в Ленинград и начинает работу во «Вторцветмете», сначала грузчиком, затем – бригадиром, начальником транспортного отдела, диспетчером отдела. Во время Финской войны он был призван в действующую армию. В период оккупации и блокады Ленинграда работал управляющим в «Главвторцветмете». Его работа в блокадном Ленинграде была отмечена правительственными медалями «За оборону Ленинграда» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне»; удостоен почетных званий «Ветеран войны» и «Житель блокадного Ленинграда». После войны работал там же районным

уполномоченным, получив также «Удостоверение победителя соцсоревнования», начальником отдела заготовок в управлении «Вторцветмет». В 1964 году вышел на пенсию, но иногда его приглашали читать лекции молодым сотрудникам. Умер в 1993 году вскоре после инфаркта.

** Драматический военный период будет дополнен ниже в описании появлении на свет моего отца, зачатого в блокаду Ленинграда, что совсем отдельная история.*

*** Я сама встречалась с дедом Александром крайне редко – в раннем детстве меня возили к нему раз в год, а бабушка Роза (см. ниже) умерла и вовсе до моего рождения.*

Бабушка Роза

Бабушка Ефросинья Антиповна (в девичестве – Антонова) родилась в 1907 году в деревне Деревицы Новоржевского района Псковской области. В молодости была очень красива, ее называли Розой – это и стало ее настоящим именем. На Псковщине они с дедом поженились. Так как дед был активным комсомольцем и коммунистом, она тоже стала комсомолкой и даже членом бюро, запечатленным на коллективных фотографиях. О ее деятельности в блокаду сведений не сохранилось, но несмотря на наличие двоих детей и беременность после их смерти, ей также довелось трудиться, о чем свидетельствуют правительственные награды. В послевоенные годы она уже нигде не работала – растила своего четвертого и единственного ребенка. Блокадный голод и многие жизненные драмы (смерть троих детей, пребывание мужа в заключении и др.) сильно подорвали ее здоровье. В середине 60-х она стала много болеть и в 1969 году умерла в муках. На надгробии высечено имя «Николаева Роза Антиповна».

Блокада, Целина, полвека в НИИ

Отец – Владимир Александрович Николаев

Отец родился 23 апреля 1943 года в войну. Его появлению на свет предшествовал ряд фатальных событий в жизни его родителей. К началу Великой Отечественной Войны дед уже несколько лет работал в Ленинграде в организации «Вторцветмет» и к этому времени достиг видного положения. Эта организация занималась заготовкой вторичных цветных металлов для промышленности и имела для этой цели своих уполномоченных практически на всех заводах, фабриках, учреждениях Ленинграда и области. Во время войны это было

стратегическое сырье, поэтому всем сотрудникам этой организации была дана «бронь», т. е. не допускалась их отправка на фронт, а они были должны «ковать победу» на «трудовом фронте». Так семья деда (он, жена, 13-летний сын Володя и 3-летняя дочь Тоня) оказалась в блокадном Ленинграде и не попала в эвакуацию. Когда из-за сильных морозов зимой перестал ходить городской транспорт, дед ходил на работу пешком, а отчасти вообще находился на казарменном положении.

В итоге к концу первой блокадной зимы 41–42 годов дети умерли от голода. Сами дед с бабушкой чудом выжили и летом немного пришли в себя (появился подножный корм). Душевная травма от гибели детей (к тому же еще до войны у них умер от дизентерии сын Витя в младенческом возрасте) подвигнула их на решение завести ребенка. Деду в это время было уже 38 лет, а бабушке – почти 35 лет. В результате, ко второй блокадной зиме бабушка была снова беременна. В конце 42 года деду поручили организацию заготовки металла на территории Ленинградской области, выдав ему «Доверенность на управление областным отделением». В результате он с женой в начале 1943 года (после прорыва кольца блокады в январе) оказывается в Тихвине. Так вышло, что отец родился в Тихвине и был назван Владимиром в память о погибшем в блокаду брате. После окончательного снятия блокады семья деда вернулась в Ленинград.

Дальнейшая биография отца довольно обычна для СССР. Сразу после школы в 1960 году – поступление в Ленинградский электротехнический институт (ЛЭТИ) им. В. И. Ульянова (Ленина) на радиотехнический факультет. С 1966 года работа в Научно-исследовательском институте электрофизической аппаратуры (НИИЭФА) им. Д. В. Ефремова в конструкторском отделе. Имеет авторское свидетельство на изобретение и ряд рационализаторских предложений. Много лет возглавлял профсоюзную организацию отдела, затем отделения. Закончил Университет марксизма-ленинизма по специальности «профсоюзное строительство». Имеет почетные звания «Ветеран труда РФ», «Ветеран атомной промышленности и энергетики», «Заслуженный ветеран труда НИИЭФА», «Заслуженный конструктор НИИЭФА». Является лауреатом Всесоюзной выставки достижений народного хозяйства (ВДНХ) – награжден бронзовой медалью. Имеет правительственную награду – медаль «В честь 300-летия Санкт-Петербурга». Завершил работу в НИИЭФА начальником расчетно-конструкторского отдела в 2003 году и переведен в «дочернее» предприятие «НИИЭФА-ЭНЕРГО» вместе с личным составом отдела. В 2011 году, имея трудовой стаж более 46 лет, уволился с должности начальника конструкторско-

проектного отдела.

В 1963 году был на Целине замполитом и завхозом студенческого строительного отряда (Казахстан, Кокчетавская область, Ленинградский район, зерносовхоз Айсаринский), по результатам работы награжден похвальным листом. Вместе с группой друзей-целинников много лет увлекался туризмом (пешие, лыжные, байдарочные походы по Карельскому перешейку, Ладожскому озеру, на остров Валаам, вокруг озера Селигер, по рекам Нюхча и Илекса в Карелии и Архангельской области), позднее – катеростроение и катерные путешествия по Финскому заливу, рекам Нева и Свирь, Ладожскому озеру. С конца 80-х – автомобилизм, садоводство и переход к «оседлой» жизни. В период активного туризма – увлечение гитарой и бардовской песней. С 50-летнего возраста – стихотворчество (книжка «Вовики и просто стихи», изданная в 2007 году в издательстве «Реноме»). Созданное в 1963 году братство «Айсары» (по названию аула на целине, где отряд строил жилые дома) существует и по сей день, готовясь к 50-летнему юбилею.

Мать Любовь Алексеевна Николаева

В девичестве – Любовь Царёва родилась 28 сентября 1947 года в Ленинграде. Среднее специальное образование получила в ПТУ чертежников-конструкторов, поступила на работу в НПО «Вектор». В 1966 году она решила пойти в поход – так попала в группу «Айсары» и познакомилась с отцом. Их роман, длившийся два года, привел к свадьбе в 1968 году. Через год отец помог ей подготовиться к институту, и она поступила на заочное отделение Ленинградского политехнического института (ЛПИ) им. Калинина на радиотехнический факультет. В том же сентябре 1969 года у нее родился сын Сергей. Предложение сразу взять академический отпуск на семейном совете решили проигнорировать – и началась гонка на выживание. Спустя два года 8 июля 1971 года родилась дочь Мария. Накопившаяся усталость заставила взять отпуск, а в 1973 году пришлось перевестись в Северо-западный заочный политехнический институт (СЗЗПИ). В 1977 году его закончила и стала работать инженером-конструктором в НПО «Вектор». В 1997 году по причине задержек с выплатой зарплаты перешла в НИИЭФА, и с тех пор стала работать вместе с отцом. В 2006 году уволилась с должности инженера-конструктора 1-й категории.

Материнская линия предков

От дореволюционных барж – до советской подлодки

Прапрадед Лука – «родовое гнездо»

Сведения сохранились самые скудные. Известно со слов деда Алексея, что прапрадед Лука был вполне состоятельным человеком, являлся владельцем барж на Неве и имел свой дом на берегу Невы в Усть-Славянке под самым Санкт-Петербургом. Дед Алексей с бабушкой Евдокией в послевоенные годы там много раз бывали в гостях у родственников, и дед воспринимал его как «родовое гнездо». Этот дом существует до сих пор, живет в нем летом двоюродный брат моей матери, о котором больше нет никаких сведений. Дом в полном запустении, а скоро его и вовсе снесут в соответствии с планами застройки Санкт-Петербурга.

Предед Арсентий

Отец деда (то есть мой прадед по материнской линии) Царев Арсентий Лукич родился в 1880 году, умер в 1940 году. Прадед Арсентий в молодости служил в царской армии – в семейных архивах двоюродная сестра моей матери видела его фото (не сохранилось) в военной форме, с папахой на голове, с саблей на боку и Георгиевским крестом на груди. Находясь на воинской службе в Санкт-Петербурге, прадед женился (дед рассказывал, что его родители ехали венчаться в «царской карете») и по окончании службы они с женой переехали в ее родные места на Псковщину. Позднее в деревне он был мирным сапожником, причем весьма искусным. Мать деда (то есть моя прабабушка по материнской линии) Царева Мария Савельевна родилась в 1883 году, умерла в 1939 году. Она была крестьянкой, по словам деда – настоящей русской красавицей. Оба похоронены на Березянском кладбище на Псковщине, где в совсем недавнем прошлом рядом с их могилой захоронили деда с бабушкой.

Дед Алексей Арсентьевич Царёв

Дед Алексей родился 30 марта 1915 года в селе Берёзно неподалеку от райцентра Пустошка Псковской области. В детстве был весьма отчаянным парнем: на деревне его звали «вольницей», а старожилы тех мест доселе вспоминают, как он с высоченной обледенелой горы на коньках съезжал на лед озера. Кроме него на такое не решался никто. В школу он ходил в соседнюю деревню, после учился в Идрицком педагогическом училище.

В 1936 дед Алексей был призван в армию и попал на Балтийский флот, где и отслужил 5 лет на подводной лодке «Щука», в том числе пройдя через всю Финскую войну. Когда подошел срок демобилизации в 1941 году, уже началась Великая Отечественная война и деду пришлось продолжить службу моряка-подводника на Балтийском флоте как командир отделения минеров-торпедистов на подлодке «Лембит». Его ратные подвиги отмечены орденами «Красного Знамени», «Красной Звезды» (дважды), «Отечественной Войны» (2 ст.), медалями «Ушакова», «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945» и целым рядом юбилейных медалей в послевоенные годы. В филиал музея ДКБФ (дважды краснознаменного Балтийского флота) подлодку-музей «Лембит» в Таллине – им переданы нагрудный знак «Отличник-торпедист» и личные почетные грамоты от самого Сталина. Летом 1945 дед Алексей вступил в партию (КПСС).

Еще до войны в 1939 дед Алексей познакомился со своей будущей женой. В довоенные и все блокадные годы они встречались в Ленинграде в перерывах между боевыми походами и весной 1944 стали мужем и женой. Демобилизован дед Алексей был уже после войны осенью 1946 (не участвуя непосредственно в еще продолжавшейся Японской войне). После службы на флоте поступил в Ленинградскую юридическую школу, а окончив курс, – на работу в Управление Юстиции Ленинграда на должность управляющего делами народных судов Октябрьского района, где и проработал шесть лет. После увольнения он работает на рабочих должностях на Московском вокзале; во вредном производстве на фабрике «Скороход» и кожзаводе им. Коминтерна; в 1970 году вышел на пенсию. Он удостоен почетных званий «Ветеран войны» и «Ветеран труда РФ».

Вскоре его потянуло в родные места и через три года он приобретает «домик в деревне» – скромную избу с яблоневым садом в деревне Сипкино (рядом с Берёзно). Довольно быстро обросли хозяйством и более 20 лет прожили там круглогодично. Живя в деревне, дед поддерживал связь с товарищами по военной службе, в том числе с командиром подлодки Героем Советского Союза Матиясевичем, переписывался с «красными следопытами» города Таллин. В 1985 в Таллине к 40-летию Победы состоялось торжественное открытие подлодки-музея «Лембит», что широко освещалось в таллинских газетах. Дед Алексей был приглашен на это мероприятие, куда его сопровождали сын Сергей и внук Сергей. Свое 85-летие в 2000 дед Алексей отмечал еще в Сипкино, но в последние годы жизни состояние здоровья заставило перебраться обратно в Санкт-Петербург. Умер дед Алексей 21

августа 2006 от сердечной недостаточности и похоронен на Псковщине рядом со своими родителями.

Старший брат деда Алексея

Павел Арсентьевич Царёв родился в 1908 г. в Петербурге. В молодости был активным комсомольцем, писал стихи и даже печатался в газетах. Его направляли на раскулачивание, причём в район Берёзно (откуда его корни). В этот период он вступил в партию. По возвращении в Ленинград он работал в Смольном на партийной работе. К началу войны его не мобилизовали, так как у него не было одного глаза (клюнула цапля в детстве). В блокаду он не работал, поскольку был немощен из-за голода (весь опух), но самый тяжкий период пережил. К концу 1943 году был мобилизован (к этому времени призывали даже увечных) и воевал на Невском Пятачке. Был там ранен в руку. После войны был ветераном и инвалидом войны. Работал на заводе "Большевик", где впоследствии работали также его дочь Тамара (сейчас 80 лет) и сын Игорь – главным технологом. К сведению, эта должность соответствует по статусу заместителю директора, а на заводе в тот период работало 32 000 человек. Кроме того, Игорь обладал некоторыми музыкальными способностями – и учил моего дядю в детстве играть на баяне. Сам Павел Арсентьевич в старости любил плести корзины и умер в возрасте 78 лет.

Младшая сестра деда Алексея

Евдокия Арсентьевна Царёва познакомилась со своим будущим мужем Григорием в конце войны. До этого у нее было много "романов", дочка Галя умерла в блокаду. Григорий к концу войны был полковником. По окончании войны он служил сначала в Польше (там Евдокию поляки называли "пани" – видная была женщина), потом в Германии. На Украине Григорий служил с конца 1945 и примерно до середины 50-х годов. Когда же он демобилизовался, ему было предложено выбрать любой город – и он выбрал Омск. Там он руководил всем Омским общепитом – занимал должность директора треста столовых и ресторанов. Я помню, как в детстве мой дед Алексей иногда летал из Ленинграда в далекий Омск повидаться с близкими. У них было два сына, сами они уже умерли.

Блокада Ленинграда и батальон ПВО

Предки бабушки Евдокии

Бабушка по материнской линии (в девичестве у нее была фамилия Брыль) родилась в деревне Лукьяново (куда меня

возили совсем маленькой) недалеко от райцентра Пустошка Псковской области 28 февраля 1921 года. О ее родителях сведений мало: вроде бы из семьи сельского старосты, которая подверглась раскулачиванию после революции, но подтверждений в документах нет. Я помню лишь уклончивые высказывания (в советский период для члена партии такие воспоминания были неуместны), но даже моя мать не может их подтвердить. Ее отец Захар Михайлович умер еще до войны, а мать Ирина Савостеевна (Севостьяновна) – в возрасте 85 лет в 1968 году. В деревне прабабушку Аришу все любили и знали, что она сочиняет стихи – даже все письма своему сыну Федору (офицеру, после войны служившему в Закавказье) писала в стихах. Рассказывали, что она писала целые вдохновенные поэмы, – таким образом патриотически «помогая Хрущеву» поднимать страну из послевоенной разрухи. Всего в семье было два сына и четыре дочери (включая бабушку Евдокию).

Бабушка Евдокия Захаровна Царёва

Бабушка Евдокия в 1937 году приехала в Ленинград и поступила в школу торгового ученичества, по окончании работала бухгалтером. Во время Великой Отечественной войны оказалась в блокадном Ленинграде. С 12 июня 1942 служила в войсках противовоздушной обороны (МПВО) как бухгалтер, а с 5 июля 1943 была призвана на действительную воинскую службу в Аварийно-восстановительном батальоне уже как красноармеец-казначей. 15 января 1944 ей было присвоено воинское звание сержант. На самом деле, приходилось выполнять самые разные обязанности, вплоть до собирания по улицам тел умерших для захоронения. В начале 1945 бабушка Евдокия вступила в партию (КПСС), демобилизована была только в октябре 1945. Ее служба во время войны отмечена медалями «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов», орденом «Отечественной Войны» 2 степени и целым рядом юбилейных медалей в послевоенные годы.

В 1939 она познакомилась с дедом Алексеем (об их браке рассказано выше). Встретились они в Ленинграде, хотя их родные деревни на Псковщине находятся совсем рядом. Осенью 1947 у нее родилась дочь Любовь (моя мать), а в начале 1949 – сын Сергей. В 1952 дед Алексей устроил ее на работу судебным исполнителем в народный суд Московского района, где она проработала более 20 лет. Уволилась бабушка с должности старшего судебного исполнителя не доработав двух лет до пенсии. Срочно требовалось заняться укреплением здоровья внучки Марии (моего то есть:-), а дочери (моей матери) нужно

было закончить институт. Тогда начался «деревенский» этап жизни бабушки Евдокии и деда Алексея – и моего детства на Псковщине. Тогда у нее был прекрасный голос – на праздники все приглашали ее петь русские народные песни. В глубокой старости находилась в Петербурге, нуждаясь в уходе моих родителей.

Умерла бабушка Евдокия весной 2012 года и похоронена рядом с дедом Алексеем на Березянском кладбище на Псковщине. Проводить бабушку в последний путь собралось более 20 человек (из Петербурга, Москвы и окрестных деревень Лукьяново, Горки, Сипкино, Долосцев, Подцубья). В церкви было заказано заочное отпевание, на кладбище тоже провели соответствующий обряд.

Брат-близнец бабушки Евдокии

Федор и бабушка Евдокия – двойняшки, оба родились 27 февраля 1921 г. Он прошел всю войну и закончил ее капитаном гаубичной артиллерии в Будапеште, а после войны оставался кадровым военным. В 1953 г. окончил Академию Генерального штаба и был направлен на Кавказ в качестве Начальника штаба Закавказского Военного округа. Служил в Грузии – в частности Батуми и Ахалкалаки. Федор Захарович Брыль дослужился до звания подполковника и умер в 1955 году в возрасте 34 лет. Причиной его смерти явилось отравление – предположительно, намеренное (сразу после смерти Сталина и переделов во власти). Его имя я слышала с детства в деревне на Псковщине, где была его фотография в военной форме, но на вопросы бабушка отвечала со вздохом довольно скупо – "отравили".

Как и темная история гибели Фёдора Брыль, сведения о его судьбе тоже весьма отрывочны. Кое-что можно понять из его письма матери (про текущую службу, зиму на Кавказе и пр.), а также письма его друзей после похорон, где высказывается возмущение отказом в начислении матери пенсии после гибели сына (ранее он посылал ей со службы деньги) и осуждение всем офицерским составом чьей-то подлости в этом деле. Мать Фёдора подавала жалобу в Ленинградский военный округ на отказ в пенсии, но даже ее просьба была повторно отклонена без объяснения причин. В длинном письме самой прабабушки Ариши незадолго до смерти дочери в город она сетует на тяготы зимы.

Сын бабушки Евдокии

Сергей Алексевич Царёв – мой дядя (родной брат матери), кандидат биологических наук, и под его влиянием я поступила в юности сначала на биофак. Ныне работает доцентом в РГАЗУ (Москва) и пишет о себе так: «Кроме изучения поведения кабанов в последние 15 лет мне с Василием Гаврильевичем Тихоновым

удалось реализовать программу по расселению овцебыков в Якутии и других частях Российской Арктики. Итоги этой работы будут подведены в книге, которую сейчас заканчиваю. Последние 7 лет преподаю на факультете охотоведения в Балашихе и получаю огромное удовлетворение от того, что есть кому передать свой практический опыт».

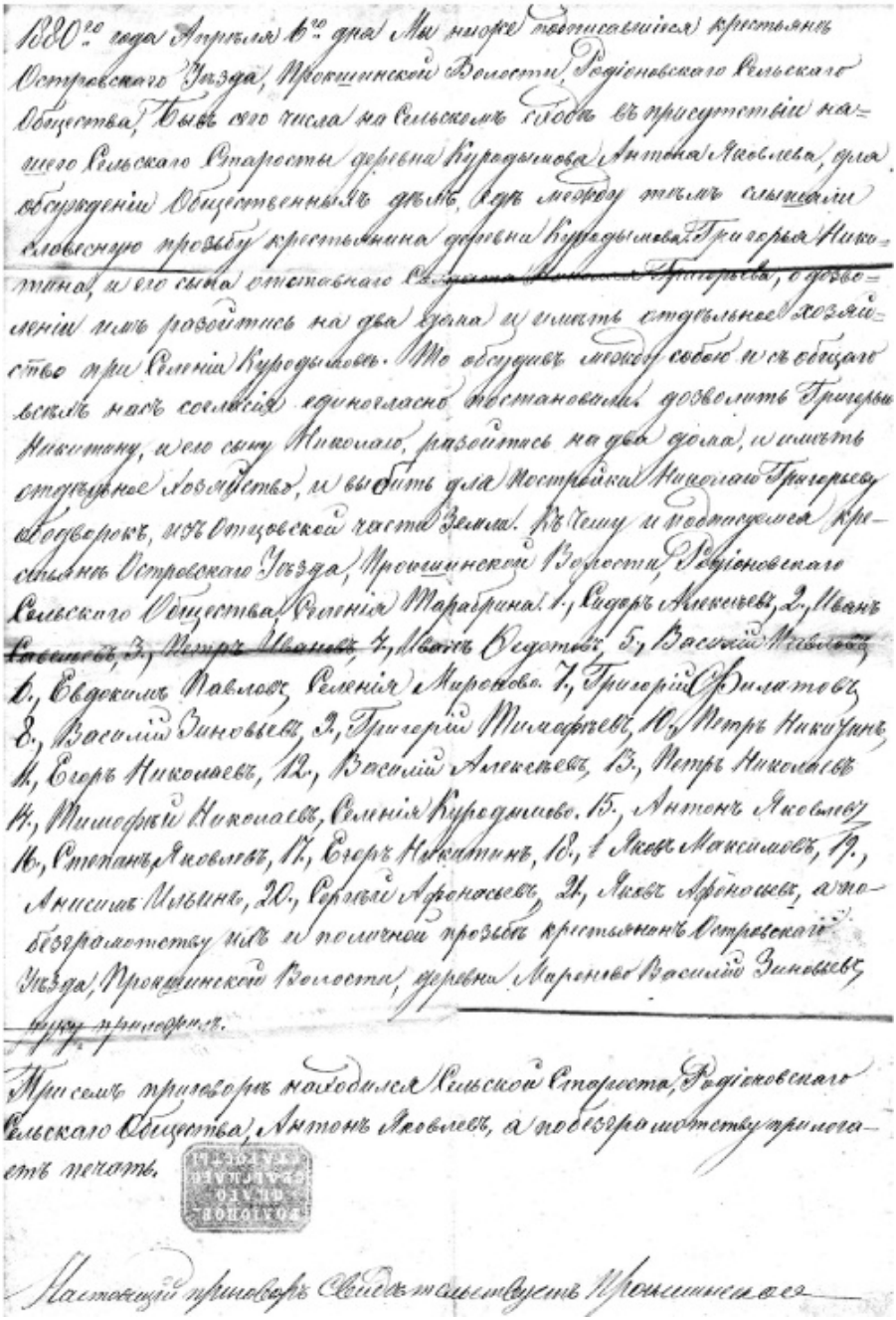
Архивные родовые фотографии

Последующие фотографии были отобраны моим отцом из обоих семейных архивов – по отцовской и материнской линиям предков. Поскольку присланных материалов оказалось чрезмерно много, пришлось произвести повторную более тщательную отборку по критериям исторической значимости и эстетических качеств. Так, остались невключенными в книгу множество документов, таких как трудовые книжки, наградные листы, дипломы и грамоты, где вообще нет фотографий, отчего они теряют всякую наглядность. Фотографии начала XX века вошли почти все сохранившиеся, кроме совсем бледных, на которых уже трудно что-то разобрать. Поскольку почти все фотографии исходно были черно-белыми, пришлось перевести в такой же формат и последние цветные, чтобы они не выбивались из «документального видеоряда».

Порядок фотографий примерно соответствует изложению родословной в первой части, но отчасти нарушается, поскольку на многих из них изображены сразу несколько членов семьи, рассказ о которых ведется по отдельности поочередно. Кроме того, иногда смещается временной порядок – просто в силу разной ориентации кадра (горизонтальная и вертикальная), отчего не всегда удается расположить их на листе последовательно. Однако при необходимости всегда можно разобраться по подписям, где точно указано, кто именно изображен на каждой фотографии. Добавлены также переснятые заметки из газет, хотя и не все: пара статей с портретами деда Александра (хотя в архивах их много) и статья про деда Алексея (опущены статьи о музее-подлодке). Нет никаких фотографий дяди Сергея и брата Сергея, хотя они порой упоминаются в тексте, но полной картины их судьбы пока нет.

Акцент сделан на наиболее ранние фотографии, поскольку их меньше всего, тогда как из поздних произведена тщательная отборка, ведь их огромно количество. Более того, историческую ценность они будут иметь еще спустя полвека, а пока это личное. Точно также дается всего несколько моих детских фотографий, поскольку в молодости я старалась все уничтожить и ничего не фотографировала до 33 лет (2004 год), где и завершается этот том.

Николаевские солдаты (один из них – прапрадед Николай)



1880-го года Апреля 6-го дня Мы нижеподписавшіеся крестьяне Островскаго Уезда, Трокшинской Волости, Радіоновскаго Сельскаго Общества, были сего числа на Сельскомъ сходѣ въ присутствіи нашего Сельскаго Старосты деревня Курадымова Антона Яковлева, для обсужденія Общественныхъ дѣлъ, гдѣ между тѣмъ слышали словесную просьбу крестьянина деревни Курадымова Григорья Никитина, и его сына отставнаго [illegible] Григорьева, о дозволеніи имъ разойтись на два дома и имѣть отдѣльное хозяйство при Семьѣ Курадымовѣ. То обсудивъ между собою и съ обществомъ нашъ сходъ единогласно постановилъ дозволить Григорью Никитину, и его сыну Николаю, разойтись на два дома, и имѣть отдѣльное хозяйство, и выбить для постройки Николаю Григорьеву изъ оврагъ, изъ Отцовской части Земли. Къ сему и подтвержденъ крестьянъ Островскаго Уезда, Трокшинской Волости, Радіоновскаго Сельскаго Общества, Семьи Тарабрина 1, Егоръ Алексѣевъ, 2, Иванъ [illegible], 3, Петръ Иванъ 4, Иванъ Федотовъ, 5, Василій Яковлевъ, 6, Евдокимъ Павловъ, Семьи Миронова. 7, Григорій Филатовъ, 8, Василій Зиновьевъ, 9, Григорій Тимофѣевъ, 10, Петръ Никифоровъ, 11, Егоръ Николаевъ, 12, Василій Алексѣевъ, 13, Петръ Николаевъ 14, Тимофѣй Николаевъ, Семьи Курадымова. 15, Антонъ Яковлевъ, 16, Степанъ Яковлевъ, 17, Егоръ Никитинъ, 18, Яковъ Максимовъ, 19, Анисимъ Мельниковъ, 20, Сергѣй Ароносовъ, 21, Яковъ Ароносовъ, а по безграмотству ихъ и полученной просьбѣ крестьянъ Островскаго Уезда, Трокшинской Волости, деревни Миронова Василій Зиновьевъ, руку приложилъ.

Сему приговору находился Сельской Староста, Радіоновскаго Сельскаго Общества, Антонъ Яковлевъ, а по безграмотству приложилъ печать.

Настоящій приговоръ свидѣтельствуетъ Трокшинскаго

Приговор прапрадеда Николая о разделении на два дома (1880 г.)

СЕСТРОРѢЦКІЙ
ОРУЖЕЙНЫЙ
ЗАВОДЪ

№

ПРОПУСКНОЙ
БИЛЕТЪ

Безъ права передачи

191 года.

Сестрорѣцкій Оружейн. Заводъ.

№ 2520

Предъявителю сего
Василію Никифорову

Разрѣшается входъ въ Приборную мастерскую № 6 до
7 января 1918 г.

Примѣчаніе:

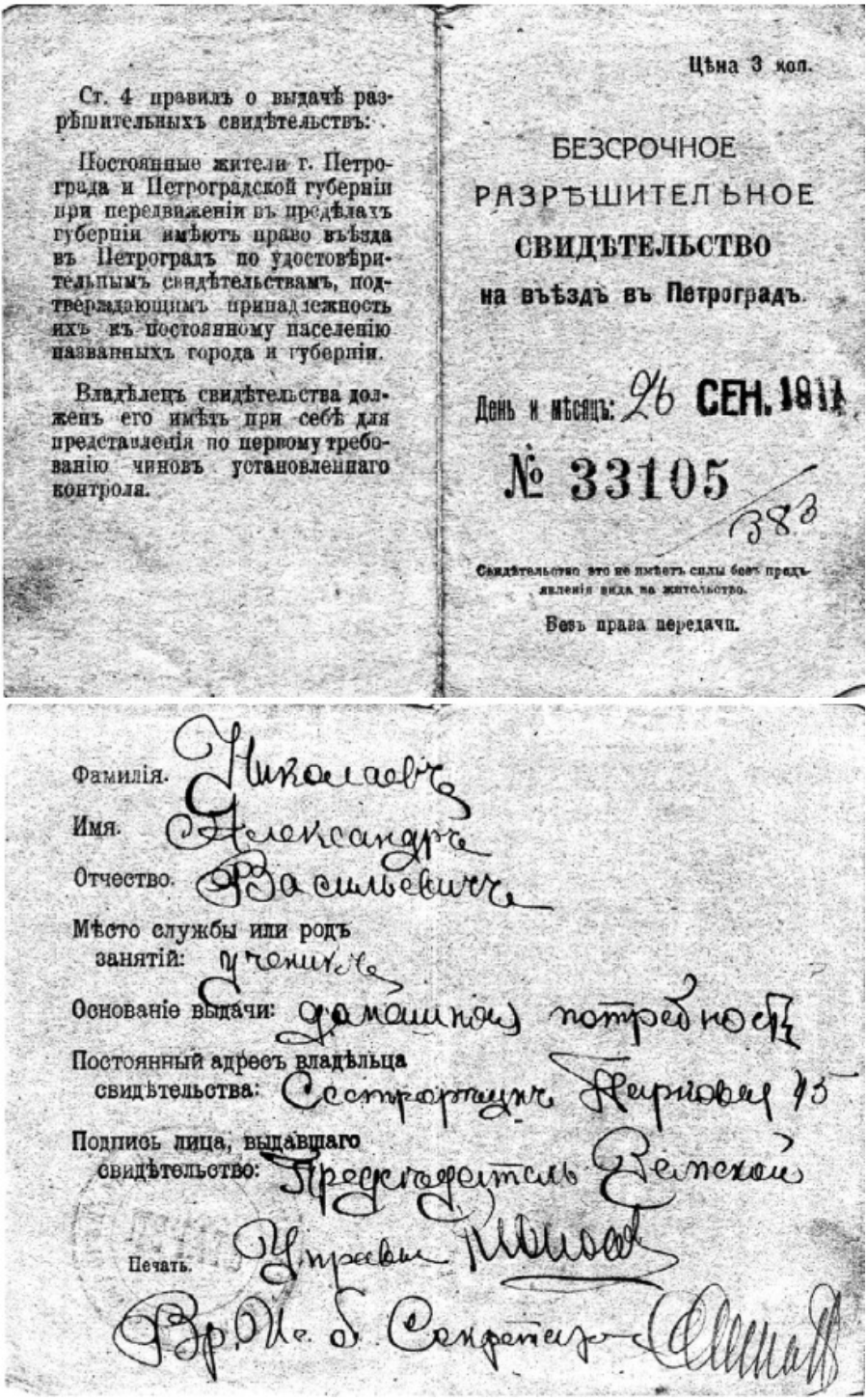
1) Билетъ всегда имѣть при себѣ и предъявлять по первому требованію администраціи завода.
2) Билетъ долженъ быть предъявленъ въ контору завода для записи въ книгу.

Помощникъ Начальника Сестр. Оруж. Завода по технической части

Пропуск прадеда Василия на оружейный завод

Дед Александр в детстве с родителями и бабушкой (нач. XX в.)

Дед Александр в школьном возрасте с матерью и бабушкой



Ст. 4 правилъ о выдачѣ разрѣшительныхъ свидѣтельствъ:

Постоянные жители г. Петрограда и Петроградской губерніи при передвиженіи въ предѣлахъ губерніи имѣютъ право въѣзда въ Петроградъ по удостовѣрительнымъ свидѣтельствамъ, подтверждающимъ принадлежность ихъ къ постоянному населенію названныхъ города и губерніи.

Владѣлецъ свидѣтельства долженъ его имѣть при себѣ для представленія по первому требованію чиновъ установленнаго контроля.

Цѣна 3 коп.

БЕЗСРОЧНОЕ
РАЗРѢШИТЕЛЬНОЕ
СВИДѢТЕЛЬСТВО
на въѣздъ въ Петроградъ.

День и мѣсяцъ: 26 СЕН. 1917

№ 33105

383

Свидѣтельство это не имѣетъ силы безъ предъявленія вида на жительство.

Безъ права передачи.

Фамилія. Николаевъ

Имя. Александръ

Отчество. Васильевичъ

Мѣсто службы или родъ занятій: ученикъ

Основаніе выдачи: домашняя потребность

Постоянный адресъ владѣльца свидѣтельства: Сестрорецкъ Херувимская 15

Подпись лица, выдавшаго свидѣтельство: Предсѣдатель Земской Управы Милов

Печать.

Вр. Ис. об. Секретаря

Разрешение прадеда Александра на въезд в революционный Петроград (1917) (наружный и внутренний развороты)

Чем живет наша волость.

Мой ответ красноармейцу тов. Карпову.

(Дагестанская АССР, г. Махаач Кала).

Тов. Карпов! На твое письмо я решил написать ответ в „Набате", так как работа Ленской волости может интересовать не только тебя, но и многих читателей газеты. Я очень рад, что ты выписываешь псковские газеты и интересуешься жизнью родного края.

Отвечаю на твое письмо по пунктам.

В нашей волости сейчас ведется подготовительная кампания к перевыборам — это одно. Проведены собрания женщин по сельсоветам — это другое. Изба-читальня работала летом слабо, но теперь дело к зиме идет и в ней будут работать разные кружки.

Кино в Выборской волости не работает — фильмы слишком дороги. В зимний период оно работать будет, избой читальней передвижка получена в премию на конкурсе „Правды".

Со спортом дело обстоит плохо — нет хорошего организатора.

Сельхозналога на волость в нынешнем году наложено на 20 тысяч рублей менее прошлогоднего, да еще тысяч пять будет льгот, так что остается на волость 57 тысяч рублей и крестьянин налог несет полностью.

Работа добровольных обществ: ОДН, МОПР, Аэрорадиохима к зиме оживает.

Об электростанции мы пока не думаем. Нет средств.

С выпуском стенгазет дело плохо, особенно с комсомольской — братва ничего не пишет.

Николаев.

Вот тебе на первый раз все новости Ленской волости. Читая псковскую газету, сможешь следить за работой Ленской волости, так как наши селькоры — народ активный.

Передай привет всем т.т. красноармейцам.

С ком. приветом

селькор А. Николаев.

Статья и фото деда Александра в газете «Псковский набат» (1 ноября 1925)

Фото деда Александра в газете «Псковский пахарь» (29 янв. 1926)

Дед Александр (сидит) на военных сборах (1927) и (сидит в центре) в Карамышево Псковской области (1930)

Дед Александр (слева) – зампредседателя месткома СТС

УДОСТОВЕРЕНИЕ.

Предъявитель сего тов. Никольев

Александр Васильевич

является кандидатом в члены президиума

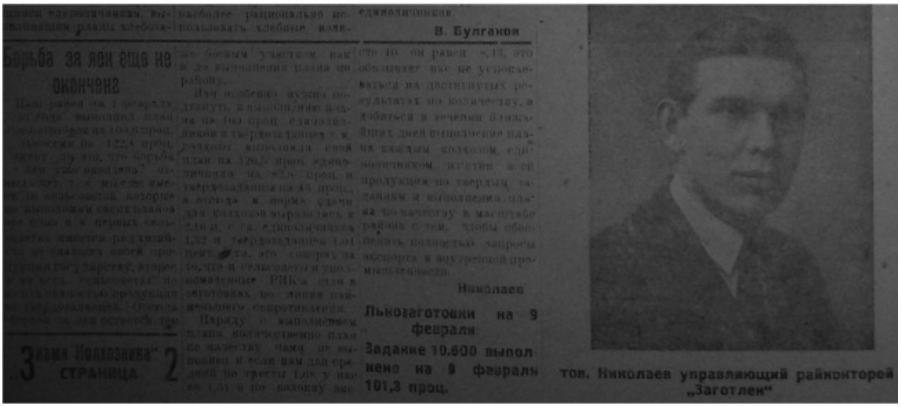
Районного Исполнительного Комитета Советов Рабочих, Крестьянских и Депутатов избранного на ... г.

Председатель Районного Совета Советов

Секретарь

Зак. 91. 1-я тип. изд-ва ПОиС.

Удостоверение деда Александра – кандидата в члены президиума (1931)



Борьба за лен еще не окончена

В. Булгаков

Николаев

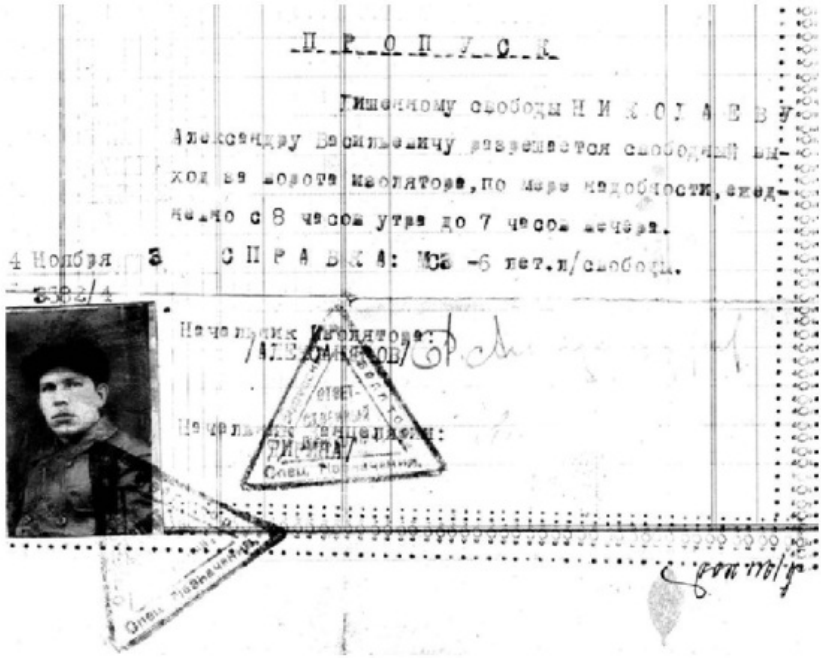
Льнозаготовки на 9 февраля

Задание 10.600 выполнено на 9 февраля 101,3 проц.

Знамя Колхозника" СТРАНИЦА 2

тов. Николаев управляющий райконторой „Заготлен"

Статья и фото деда Александра – управляющего конторой «Заготлён» в газете «Знамя колхозника» (10 февраля 1933)



П Р О П У С К

Тишенкому свободы Н И К О Л А Е В У

Александру Васильевичу разрешается свободный вы-
ход за ворота изолятора, по мере надобности, ежед-
невно с 8 часов утра до 7 часов вечера.

4 Ноября 3 С П Р А В К А: Ис -6 лет.л/свободы.

Начальник изолятора:

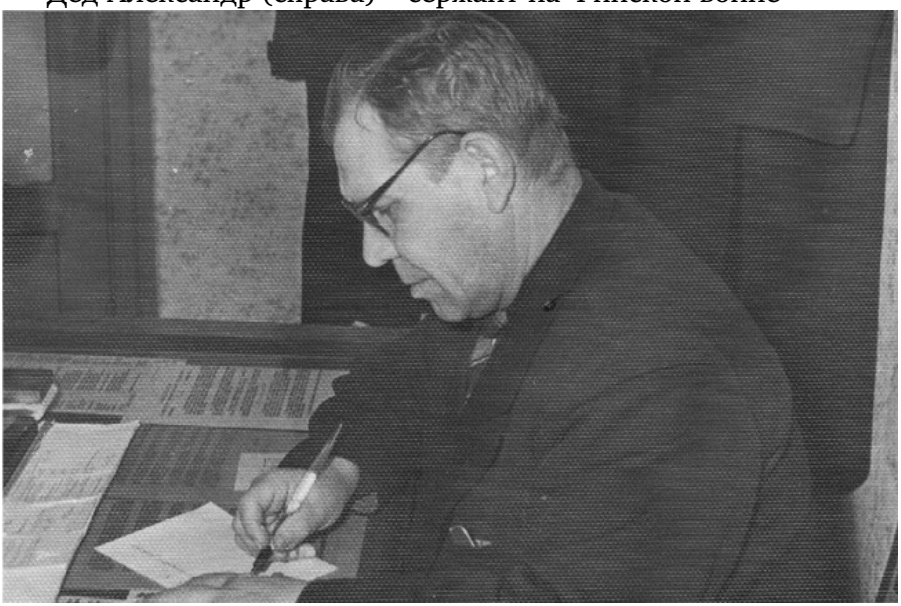
Начальник спецотдела:

Пропуск деда Александра на свободный выход из изолятора

Дед Александр (слева) на Финской войне

Дед Александр (слева) – в память о боях на реке Тойпален Иоки (24 февраля 1940)

Дед Александр (справа) – сержант на Финской войне

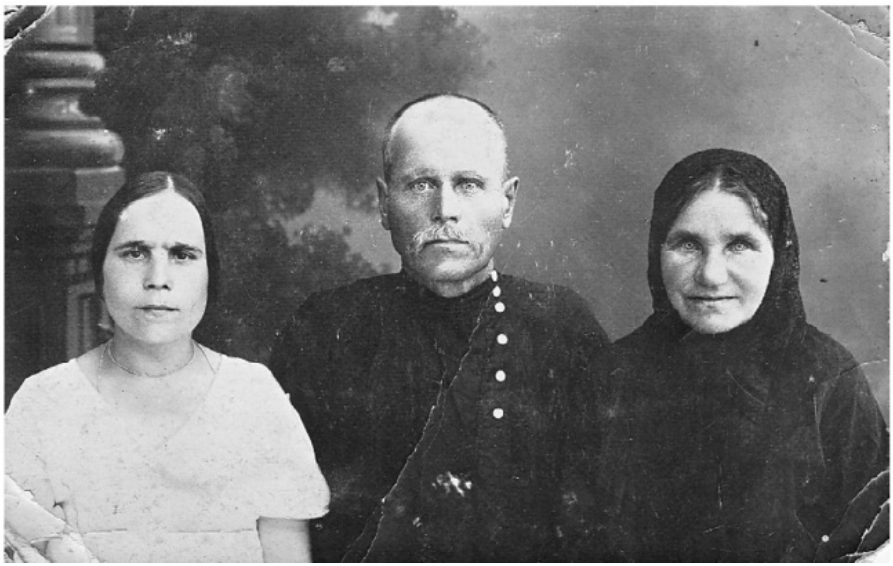


Дед Александр – управляющий в «Главвторцветмете» (фев.

1962)

Дед Александр (в центре) – Всесоюзное совещание «Главторцветмета» (15 января 1979)

Дед Александр с матерью в деревне на Псковщине (~ 1920-е)



Предположительно, родители бабушки Розы (прадеды автора). Надпись на обороте рукой бабушки Розы: «Умерла мама. 28 декабря 8 часов утра» (год не указан)

Бабушка Роза в молодости (без даты)

Дед Александр (сидит справа) и бабушка Роза (стоит) – Бюро комсомольской ячейки г. Острова Псковской области (авг. 1928)

Дед Александр и бабушка Роза (декабрь 1929)

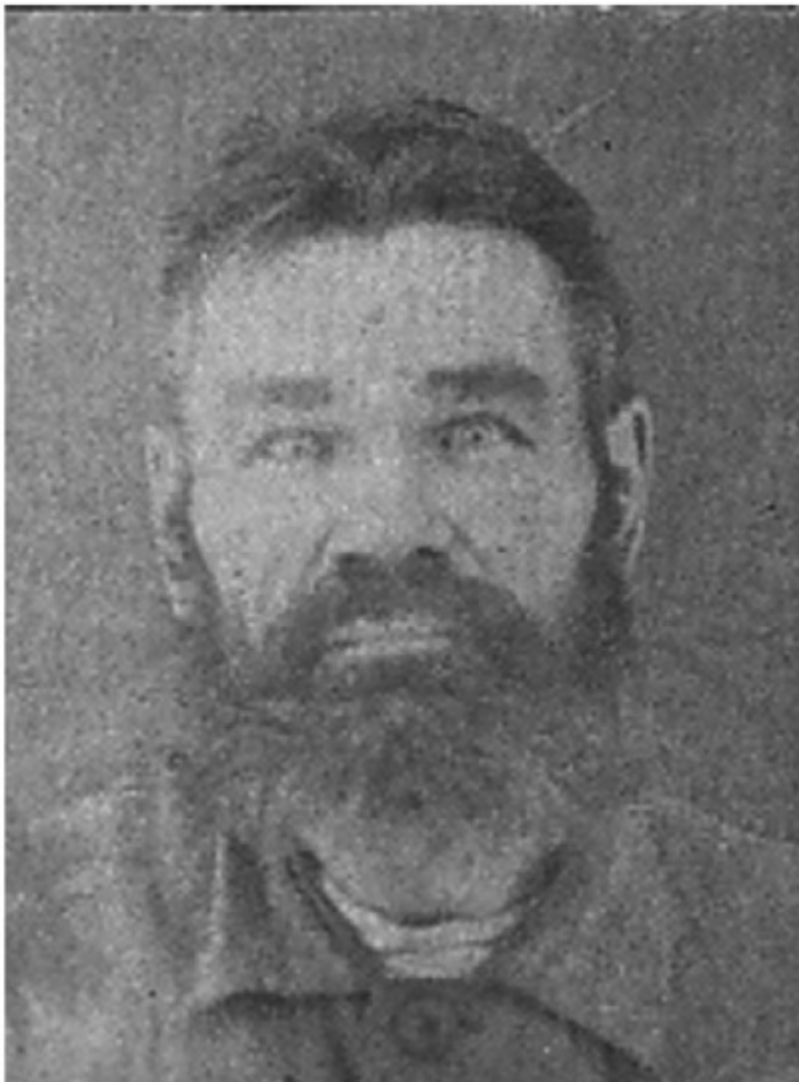
Дети Володя и Тоня, погибшие в блокаду Ленинграда зимой 1941-42 гг. (довоенное фото 12 июля 1939) Четвертый и единственный оставшийся в живых ребенок – мой отец (послевоенное фото 6 января 1946 года)

Дед Александр и бабушка Роза (после войны)

Отец с родителями (июнь 1953)

Отец с родителями на даче (примерно 1959-60)

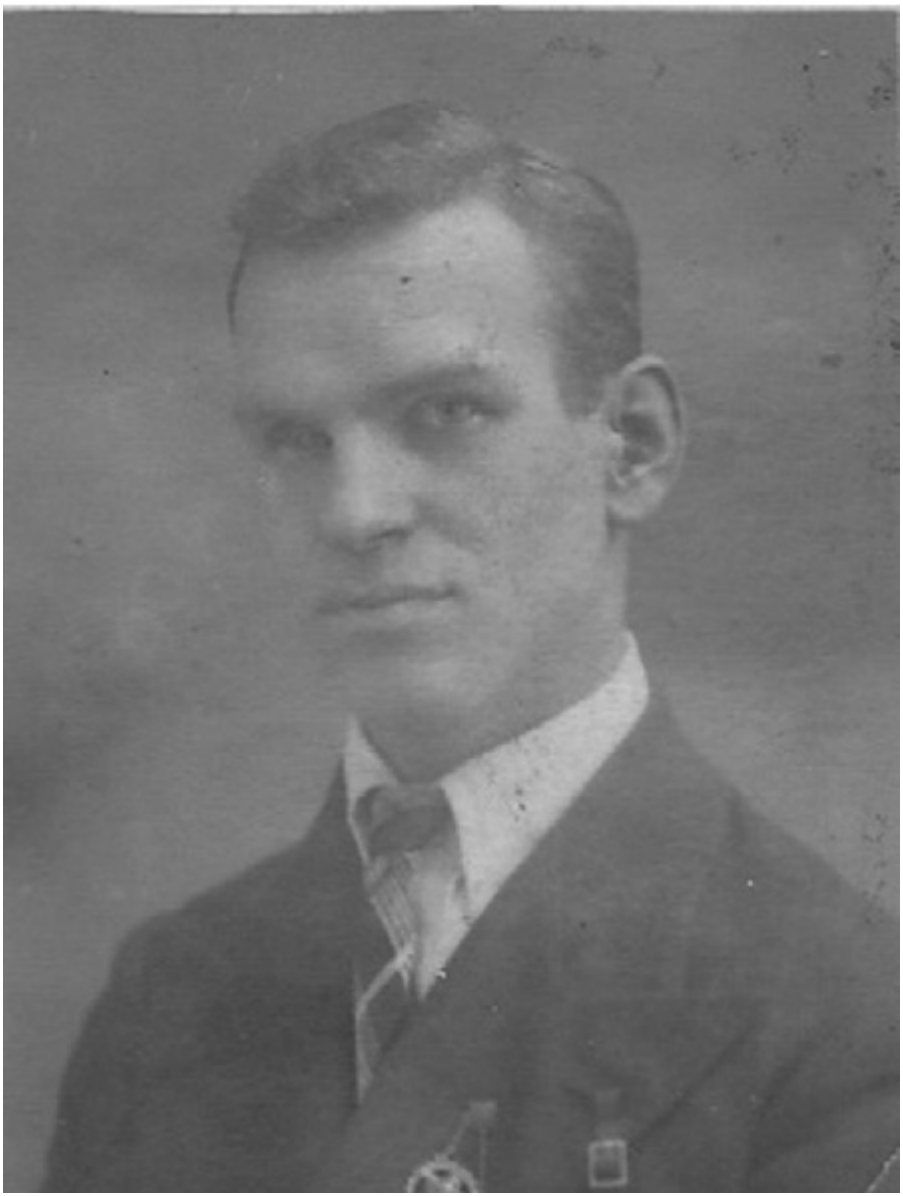
Прадед Арсентий Лукич Царёв в Петрограде (без даты) – отец моего деда Алексея Арсентьевича по материнской линии предков



Прапрадед Лука – дед моего деда Алексея Арсентьевича Царёва Прабабушка Мария Савельевна (слева) – мать моего деда Алексея

Дед Алексей до войны в Ленинграде (1935) и вместе с младшей сестой Евдокией

Евдокия Арсентьевна Царёва – младшая сестра деда Алексея с мужем полковником Григорием (послевоенные фотографии)

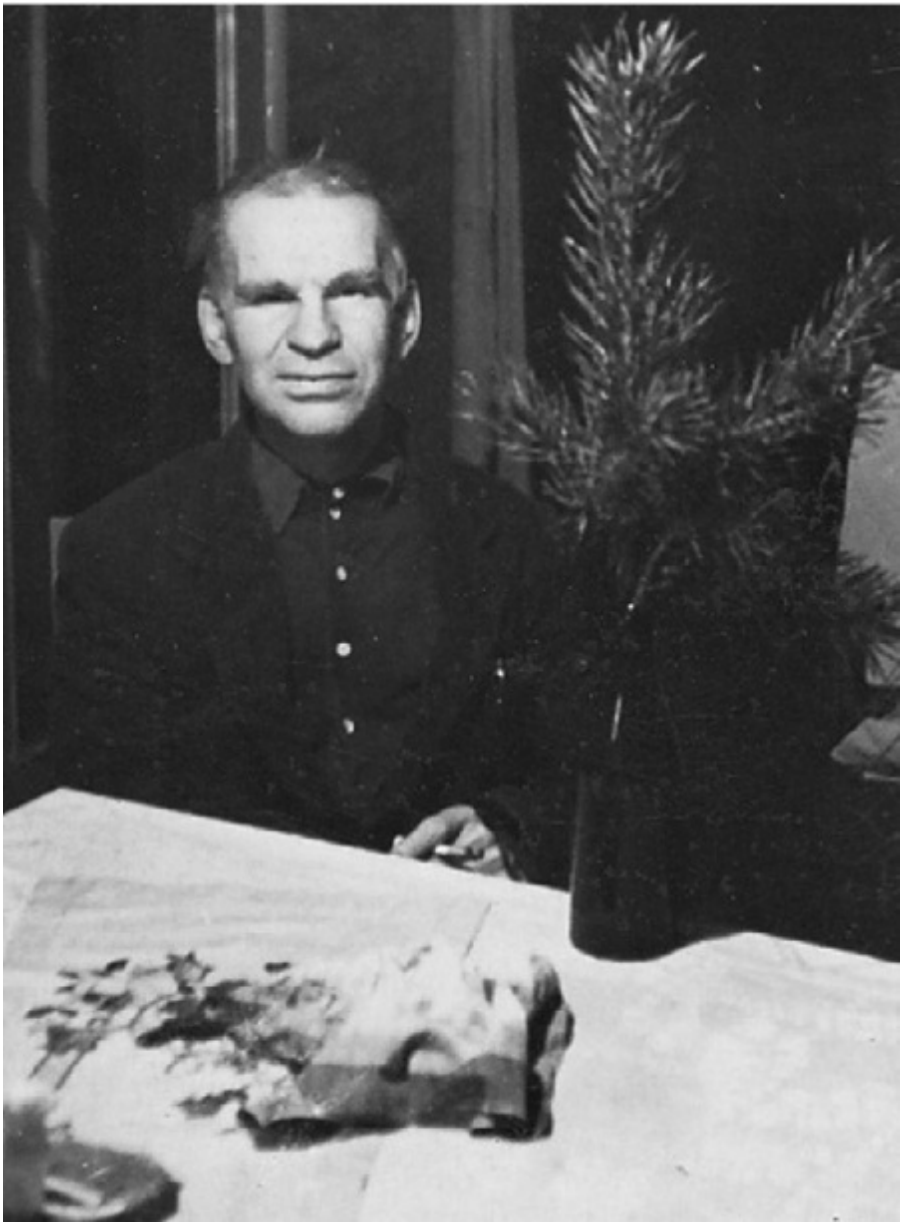


Павел Арсентьевич Царёв – старший брат деда Алексея, на комсомольской и партийной работе (до войны).

Павел Царёв в Ленинграде (2 июля 1929) и с женой у фонтана в Петергофе (7 июня 1932)

Павел Царёв с женой (1932) и друзьями (слева) до войны

Павел Царёв после войны (1947) и с дочерью (1961)

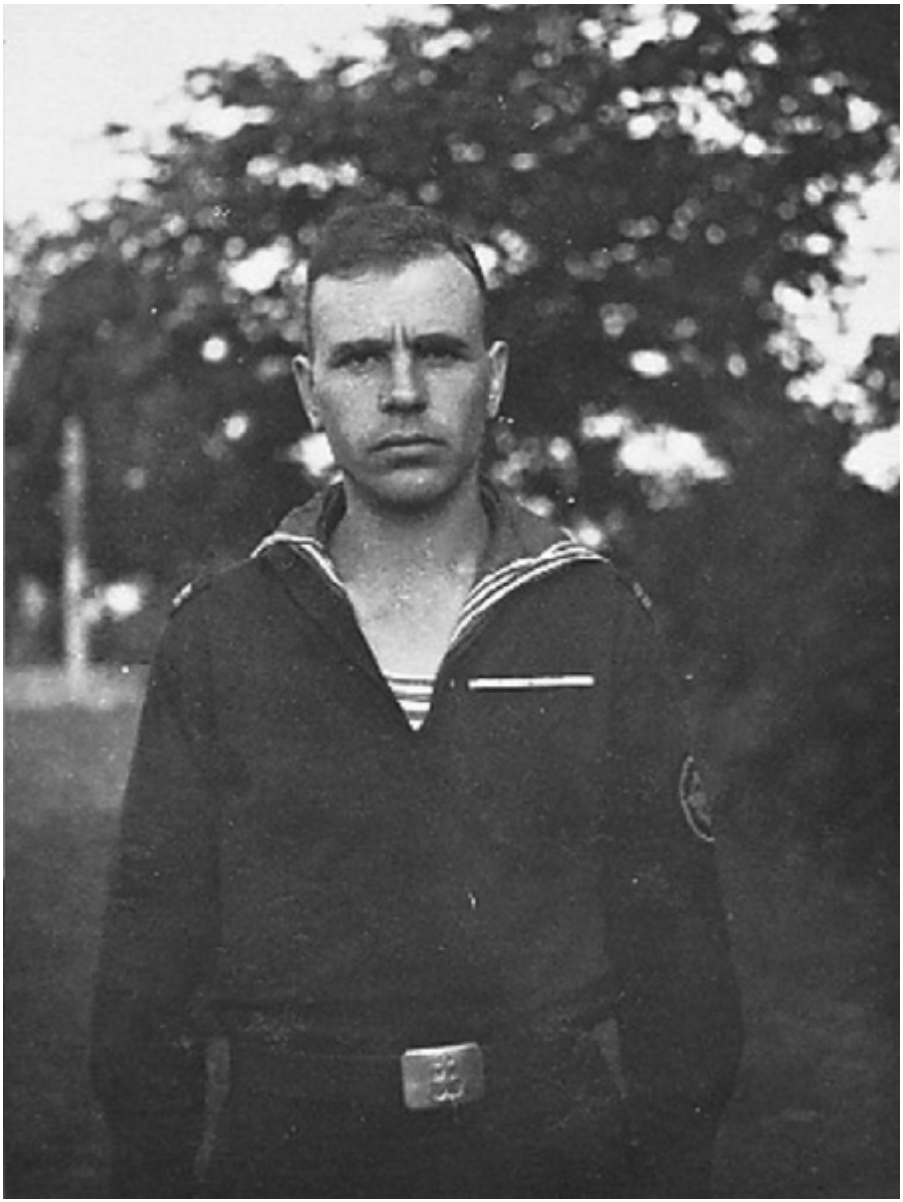


Дед Алексей с братом Павлом в Усть-Славянке (родовое гнездо) Павел Арсентьевич Царёв в пожилом возрасте

Дед Алексей Арсентьевич Царёв (1939)

Дед Алексей на Кировских Островах после боевого похода (Ленинград, 3-18 ноября 1944)

Дед Алексей (крайний справа) – фото военного времени



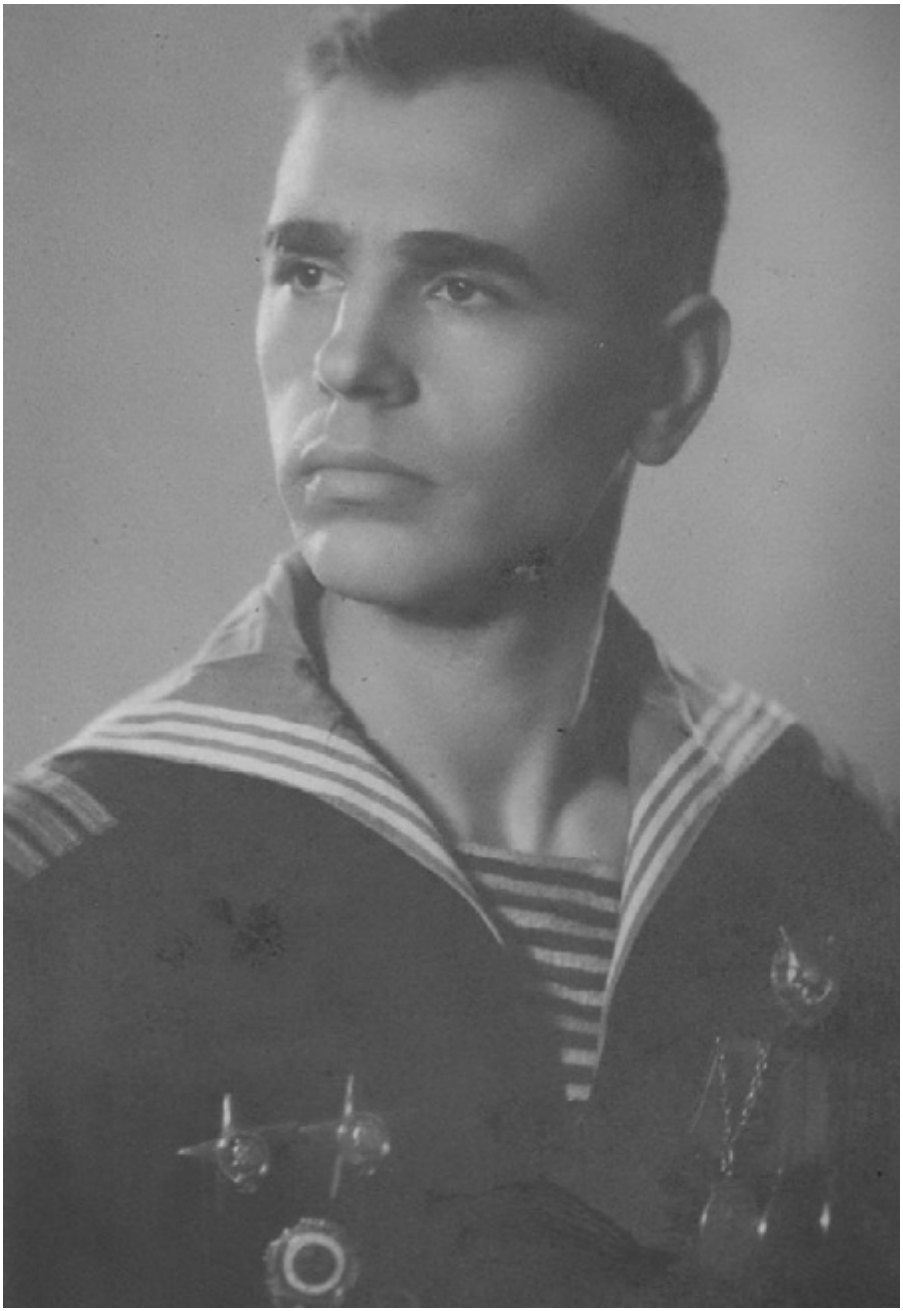
Дед Алексей во время войны и в конце войны (г. Либава 19 октября 1945)

Л 22-50

Дед Алексей (сзади) на островах Кирова в Ленинграде (1944)
Дед Алексей с боевыми друзьями (фото жене на память)

Боевые друзья деда Алексея (без него) в июле 1943 г.

Экипаж подлодки «Лембит» без деда Алексея (был в госпитале)



Дед Алексей – фото военного времени

Пропуск деда Алексея на подводную лодку «Лембит» (1941)

Дед Алексей с наградами.

Дед Алексей – фото с Доски Почета завода им. Коминтерна

Управление Министерства Юстиции РСФСР

УДОСТОВЕРЕНИЕ №-3

Предъявитель сего Сергеев Алексей Арсентьевич

является [illegible] г. Ленинграда

Выдано 5 января [illegible] г.

Срок действия удостоверения продлен

по 31 декабря 51 г.

по 31 декабря 52 г.

11 з. 2215 М-17767

Удостоверение деда Алексей – Управляющий делами Народных судов Октябрьского района города Ленинграда (период работы: 1947–1953)

Дед Алексей с дочерью и сыном на демонстрации (сер. 1950-х)

Дед Алексей (второй справа) на демонстрации (7 ноября 1960)

Дед Алексей (4-й слева) на встрече с боевыми друзьями (1965)

Дед Алексей (в центре) на встрече с боевыми друзьями (Кронштадт, 1970)

Дед Алексей с боевыми друзьями в корпункте «Известий» (1970)

Дед Алексей (второй справа) в президиуме собрания ветеранов

Дед Алексей (в центре). Надпись на обороте: «Тов. Цареву А.А. на память от [капитана] Матиясевича (9 мая 1965, Кронштадт)».

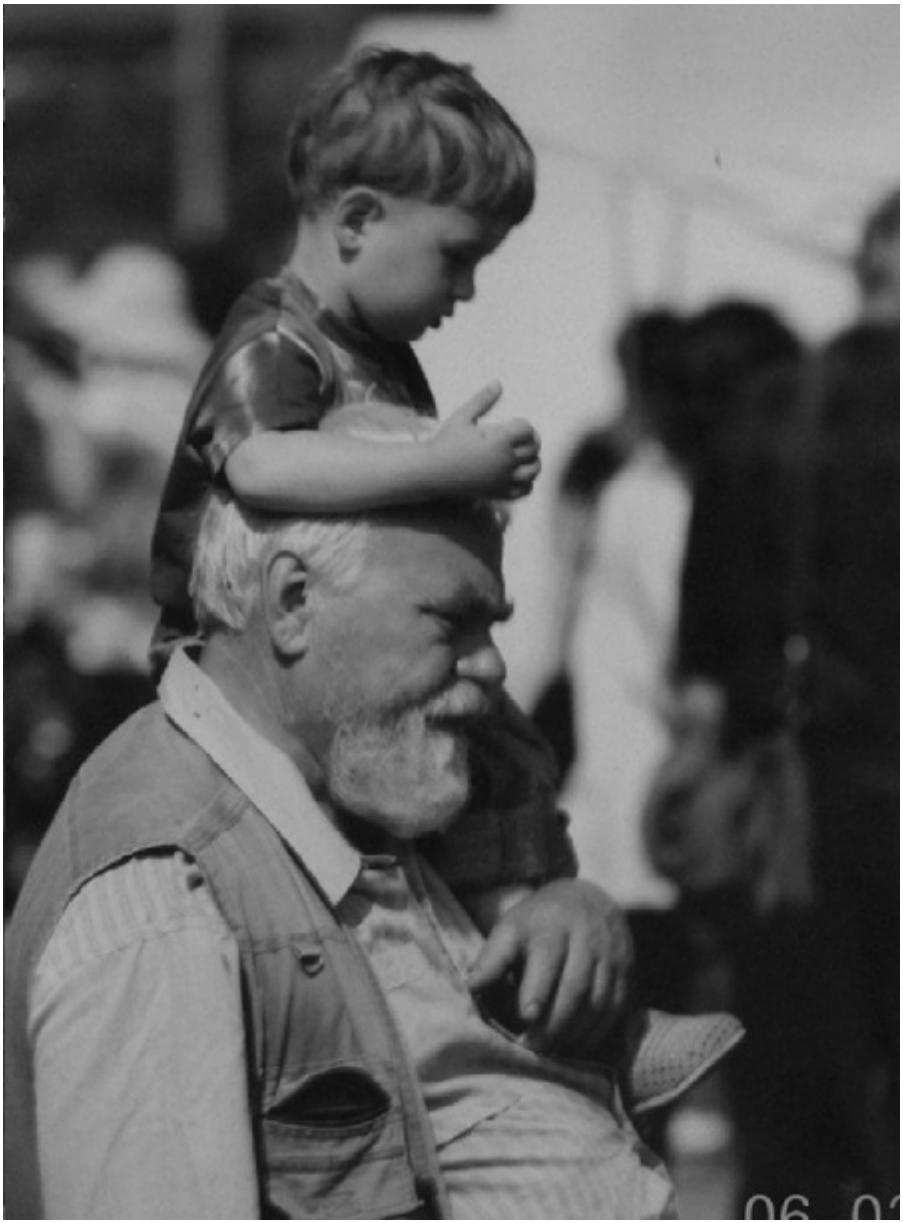
Дед Алексей (2-й справа) на открытии музея «Лембит» (1985)

Дед Алексей у своего торпедного аппарата на открытии музея подлодки Лембит (Таллин, 1985)

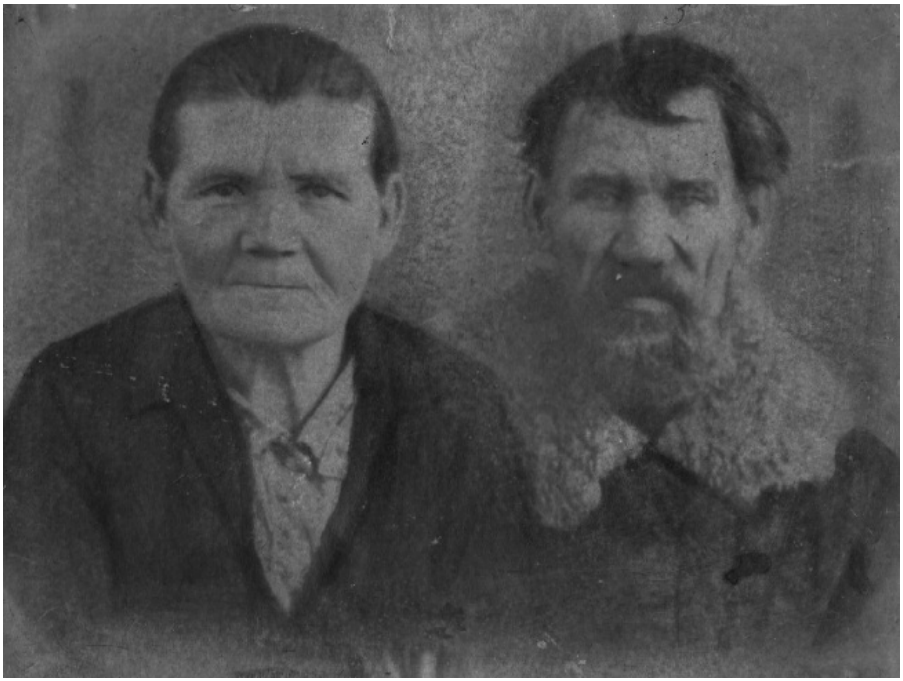
Дед Алексей (7-й справа) на открытии музея «Лембит» (1985)

Дед Алексей (3-й слева) на открытии музея «Лембит» (1985)

Дед Алексей с сыном Сергеем на подлодке «Лембит» (1985)



Дядя автора Сергей Алексеевич Царёв в армии (1969) и в пожилом возрасте со своим внуком (2000-е)



Прабабушка Ариша и прадед Захар (до войны)

Прабабушка Ариша и ее сын Фёдор Брыль (после войны)

Фёдор Захарович Брыль – брат-близнец бабушки Евдокии на фронте (без даты) и перед гибелью (1955); с семьей (1951)

Похороны подполковника Фёдора Брыль в Закавказье (1955)

Похороны подполковника Фёдора Брыль в Закавказье (1955)

Похороны подполковника Фёдора Брыль в Закавказье (1955)

Похороны подполковника Фёдора Брыль в Закавказье (1955)

Вдова с сыном Фёдора Брыль на его могиле в Закавказье (1955)

Фото на память сестре Евдокии от Фёдора Брыль (Венгрия, 1944) Бабушка Евдокия с боевой подругой в МПВО (после войны)

Бабушка Евдокия (вторая справа) в начале Блокады (28.09.1941),

в МПВО (в центре верхнего ряда) во время Блокады (01.05.1943)

Бабушка Евдокия (крайняя слева во 2 ряду) в батальоне ПВО.

Бабушка Евдокия (крайняя справа в 1 ряду) в батальоне ПВО.

Красноармейскую книжку иметь всегда при себе. Не имеющих книжек, задерживать

1. Фамилия Горыль
2. Имя и отчество Евдокия Захаровна
3. Звание и должность красноармеец казначей
4. Наименование части (учреждения) ЛВО Ленинграда
5. Наименование подразделения (батальон, рота) ВХС Оварт.-хоз. взвода
6. № личного знака

Личная подпись владельца книжки

Командир части

(Место печати части)

I. Общие сведения

1. Номер военно-учетной специальности 123.
2. Грамотность и общее образование (если окончил техникум, рабфак или ВУЗ, то указать его название) 7 классов
3. Национальность Русская
4. Год рождения 1921
5. Год призыва (указать также—нормальный или досрочный призыв) 5 Июля 1941 года
6. Каким военкоматом призван Моск.-Сев. РВК г. Ленинграда
7. Специальность до призыва бухгалтер

Красноармейская книжка бабушки Евдокии (1943)

ПАРТИЙНЫЙ БИЛЕТ
№ 08793111

Фамилия Царева
Имя Евдокия
Отчество Захаровна
Год рождения 1921
Время вступления в партию Февраль 1945 г.
Наименование партийного органа, выдавшего билет Московский РК ВКП(б) гор. Ленинграда

(Личная подпись)

Секретарь партийного комитета

Дата выдачи "14" января 1944 г.

УПЛАТА ЧЛЕНСКИХ ВЗНОСОВ
1943 год

Месяц	Месячный заработок	Сумма взноса	Подпись секретаря
Январь			
Февраль			
Март			
Апрель			
Май			
Июнь			
Июль			
Август			
Сентябрь			
Октябрь			
Ноябрь			
Декабрь	н/д.	0-24.	

Партийный билет бабушки Евдокии (с 1945).

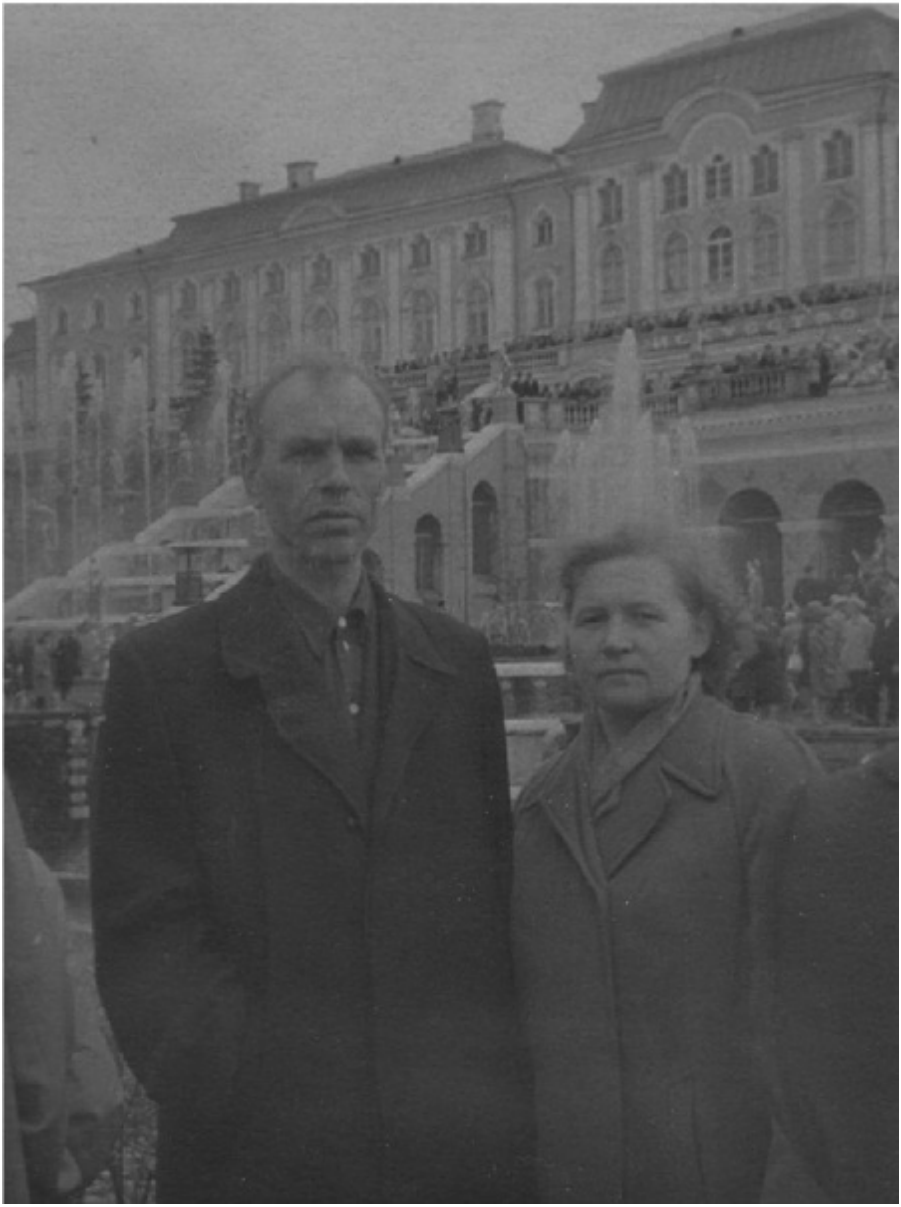
Бабушка Евдокия – судебный исполнитель Народного суда Фрунзенского района (1951) и судебный заседатель (справа) в Ленинграде (1953)

Бабушка Евдокия (слева) с мужем и своей племянницей (1959) Мать автора – первоклассница в Ленинграде (1956) Любовь Царева (справа вверху) в 1-г классе 371-й школы

Бабушка Евдокия со своей матерью Ириной (моя прабабушка) и детьми (справа моя мать) в деревне на Псковщине (1951). Бабушка Евдокия (крайняя слева) с дедом Алексеем и родственницами (Ленинград, 1960)

Бабушка Евдокия (внизу справа) с детьми (мои мать и дядя) и родственниками (крайняя слева – прабабушка Ирина) в 1950-е.

ЗДЕСЬ КОСТИ
ГЕРОЕВ ДЕЛА
КОММУНЫ
ПОД КАМНЕМ
СУРОВЫМ
ДОКОЙ ОБРЕЛИ



Бабушка Евдокия и дед Алексей (Ленинград, середина 1960-х)

Бабушка Евдокия (справа) и дед Алексей с дочерью – моей матерью (Ленинград, середина 1960-х)

Бабушка Евдокия у мемориала блокадникам (Ленинград, 1990-е)

СЛУЖИЛ МОРЯК В ПОДВОДНОМ ФЛОТЕ

Как оказалось, в нашем озерном крае живет немало моряков, и сегодня мы познакомим вас с ветераном Великой Отечественной, воином-подводником Алексеем Арсентьевичем Царевым. Живет он в деревне Сипкино Новой волости. Живописный уголок расположился на берегу озера и искренне подкупил нас своей неброской прелестью. Домик Алексея Арсентьевича уютно спрятался за околицей, среди яблоневых и сливовых деревьев, окруженных пчелиной пасекой, зеленью кустов. На пороге нас встретил высокий, статный и очень красивый пожилой мужчина. С первых слов беседы, с первых минут встречи стало понятно, что человек этот прожил яркую, полную впечатлений, переживаний и событий жизнь.

Супруги Царевы – Алексей Арсентьевич и Евдокия Захаровна в Сипкине недавно, приехали из Санкт-Петербурга, но мало кто из коренных жителей знает, что выбор их остановился на местных краях отнюдь не случайно – здесь их корни. На Березянском давления проходили в специальной башне, на суше. Те, у кого не выдерживали барабанные перепонки, к службе на подводных судах не привлекались. Можно себе представить, каким крепким здоровьем должен обладать моряк-подводник. И на войне эта физическая выносливость, сила позволяли выжить в экстремальных ситуациях. В те годы Алексей Арсентьевич служил на подводной лодке "Лембит", названной так по имени известного в Эстонии национального героя. В то время Эстония была советской республикой, и подводные лодки Балтийского флота базировались в Таллинне. Подлодка "Лембит" за годы Великой Отечественной заслуженно снискала героическую славу. О походах этой лодки по морским дорогам, о ее боевых заданиях издано несколько книг. За время военных баталий в грозные сороковые годы Краснознаменной подводной лодкой было уничтожено свыше восьми боевых кораблей, и это несмотря на невеликие размеры судна – всего 45 человек служило в составе экипажа.

Алексей Арсентьевич был торпедистом и минером. Воспоминания о боевых военных походах и сегодня свежи в его памяти. Со слезами на глазах рассказывает он о том, что приходилось испытывать членам экипажа во время бомбежки глубинными снарядами, когда лодка должна была лечь на дно, а моряки, задыхаясь от нехватки кислорода, собрав все свое мужество, ждали, когда же наконец-то прекратятся эти взрывы. Но, слава Богу, все они остались живы. Ярко запечатлелся в ее памяти солнечный день в Кронштадте, когда экипаж подлодки уходил в очередной боевой рейс, тогда муж помахал ей рукой и крикнул: "Мы обязательно вернемся". И обещание свое выполнил. Долгие годы жили супруги в Ленинграде, растили детей, работали в органах юстиции, все время были на хорошем счету.

А героическая подводная лодка "Лембит" обрела свою последнюю стоянку в городе Таллинне. Теперь она – филиал музея Балтийского флота. В музее по сей день хранятся нагрудный знак Алексея Арсентьевича: "Отличник – торпедист" и личные грамоты Сталина. В 1985 году в честь 40-летия Великой Победы и 46-й годовщины со времени постановки на вечную стоянку подводной лодки, в Таллинне состоялась торжественная встреча членов экипажа "Лембит". Побывал на ней и герой нашего рассказа, кавалер двух орденов Красной Звезды и двух орденов Красного Знамени, награжденный медалями Ушакова "За оборону Ленинграда", "За Победу над Германией" Алексей Арсентьевич Царев. С этой встречи у него остались незабываемые впечатления от свидания с "Лембитом", – лодкой, с которой его столько связывает, о трогательной встрече с друзьями, о теплом и торжественном приеме.

Сейчас люди с громкой и величественной фамилией – Царевы тихо и скромно живут в деревеньке Сипкино.

После суеты шумного, огромного города тихая гавань в родных краях позволяет им спокойно оглянуться на пройденное, вспомнить богатую событиями жизнь. А долгожданный покой и радость общения с природой пусть долго дарят им здоровье и энергию.

Л. ТРОФИМОВА.

Хран

На всю область славится фольклорный ансамбль "Рябинушка" из деревни Заболотно, руководит которым Татьяна Анатольевна Иванова. Основ-

Статья про деда Алексея из газеты «Вперед» (30 сентября 2000).

СЛУЖИЛ МОРЯК В ПОДВОДНОМ ФЛОТЕ

Как оказалось, в нашем озерном крае живет немало моряков, и сегодня мы познакомим вас с ветераном Великой Отечественной, воином-подводником Алексеем Арсентьевичем Царевым. Живет он в деревне Сипкино Новой волости. Живописный уголок расположился на берегу озера и искренне подкупил нас своей неброской прелестью. Домик Алексея Арсентьевича уютно спрятался за околицей, среди яблоневых и сливовых деревьев, окруженных пчелиной пасекой, зеленью кустов. На пороге нас встретил высокий, статный и очень красивый пожилой мужчина. С первых слов беседы, с первых минут встречи стало понятно, что человек этот прожил яркую, полную впечатлений, переживаний и событий жизнь.

Супруги Царевы – Алексей Арсентьевич и Евдокия Захаровна в Сипкине недавно, приехали из Санкт-Петербурга, но мало кто из коренных жителей знает, что выбор их остановился на местных краях отнюдь не случайно – здесь их корни. На Березинском кладбище похоронены родители Алексея Арсентьевича, здесь он пошел в школу, тогда называвшуюся Киселевским училищем. Было это в далекие для нас времена – в конце 20-х годов. По окончании школы Алексей продолжает учебу в Идрицком педагогическом училище. А супруга его – Евдокия Захаровна родом из Лукьянова. Перед войной Алексей Арсентьевич был призван в армию, в то время он уже жил в Ленинграде. Службу проходил на Балтийском флоте, принимал участие в Финской военной кампании, нес службу на подводном корабле – "Щуке". Когда пришло время демобилизации, был сентябрь 1941-го, шла война, и Алексей Арсентьевич продолжил военную службу на подводных судах.

О том, насколько сложна эта служба, можно судить по многим фактам. Алексей Арсентьевич вспоминает, как проходили испытательный отбор будущие подводники: перед тем, как завербовать, их обучали в отряде подводного плавания имени Кирова. Испытания перегрузкой флота базировались в Таллинне. Подлодка "Лембит" за годы Великой Отечественной заслуженно снискала героическую славу. О походах этой лодки по морским дорогам, о ее боевых заданиях издано несколько книг. За время военных баталий в грозные сороковые годы Краснознаменной подводной лодкой было уничтожено свыше восьми боевых кораблей, и это несмотря на невеликие размеры судна – всего 45 человек служило в составе экипажа.

Алексей Арсентьевич был торпедистом и минером. Воспоминания о боевых военных походах и сегодня свежи в его памяти. Со слезами на глазах рассказывает он о том, что приходилось испытывать членам экипажа во время бомбежки глубинными снарядами, когда лодка должна была лечь на дно, а моряки, задыхаясь от нехватки кислорода, собрав все свое мужество, продолжали вести боевые действия. Трагедию современной субмарины "Курск" Алексей Арсентьевич в буквальном смысле этого слова пропустил через свое сердце. Этот человек знает цену настоящей военной мужской дружбе, которая рождается в тяжелых боевых испытаниях. Спустя многие годы после войны, в День Победы, собрались оставшиеся члены экипажа "Лембита" возле места ее стоянки в Ленинграде, на Неве, рядом с Летним садом, чтобы вспомнить былое, помянуть ушедших.

Евдокия Захаровна Царева не может забыть тревожные дни ожидания, которые для жен уходящих на боевое задание моряков тянулись, как годы. Она рассказала, как однажды по радио сообщили, что одна из подводных лодок не вернулась с боевого задания на стоянку. Было это в 43-м году. С отчаянно бьющимся сердцем бежала она к Марсову Полю, чтобы удостовериться в услышанном. И каким же огромным было счастье увидеть "Лембит" на стоянке, а мужа столько связывает, о трогательной встрече с друзьями, о теплом и торжественном приеме.

Сейчас люди с громкой и величественной фамилией – Царевы тихо и скромно живут в деревеньке Сипкино.

После суеты шумного, огромного города тихая гавань в родных краях позволяет им спокойно оглянуться на пройденное, вспомнить богатую событиями жизнь. А долгожданный покой и радость общения с природой пусть долго дарят им здоровье и энергию.

Л. ТРОФИМОВА.

Храни

На всю область славится фольклорный ансамбль "Рябинушка" из деревни Заболотно, руководит которым Татьяна Анатольевна Иванова. Основной состав ансамбля – это люди пожилые, пенсионерки. Но когда они выходят на сцену, когда поют, не чувствуют своего возраста, молодеют душой. Эти милые обаятельные "бабушки-старушки", как назвал участниц известный артист и телеведущий передачи "Играй, гармонь!" Геннадий Заполокин, покоряют зрителей артистизмом, прекрасной манерой исполнения обрядовых песен, большинство из

Фольклорный ансамбль "Рябинушка". Вторая слева (стоит) – Е.Е. Боровкова.

Продолжение статьи про деда Алексея «Служил моряк в подводном флоте» из газеты «Вперед» (30 сентября 2000).

** Следует читать колонки по вертикали на обеих вырезках*

Отец (крайний слева в первом ряду) в 5 классе 181 школы Ленинграда (1955)

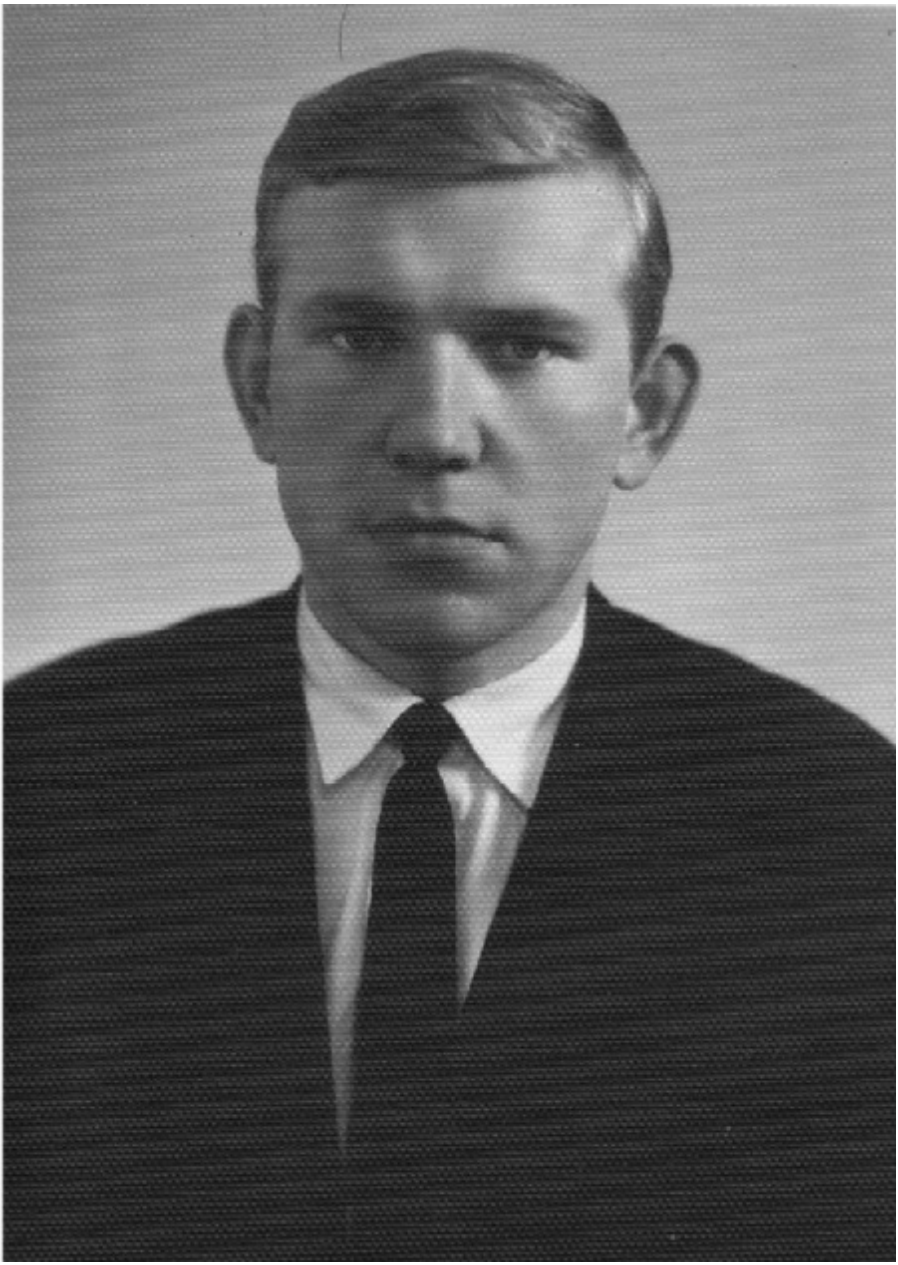
Мать-пионерка в 4 классе 358 школы Ленинграда (1959)

Мать-комсомолка в 14 лет – фото с членского билета (1961)

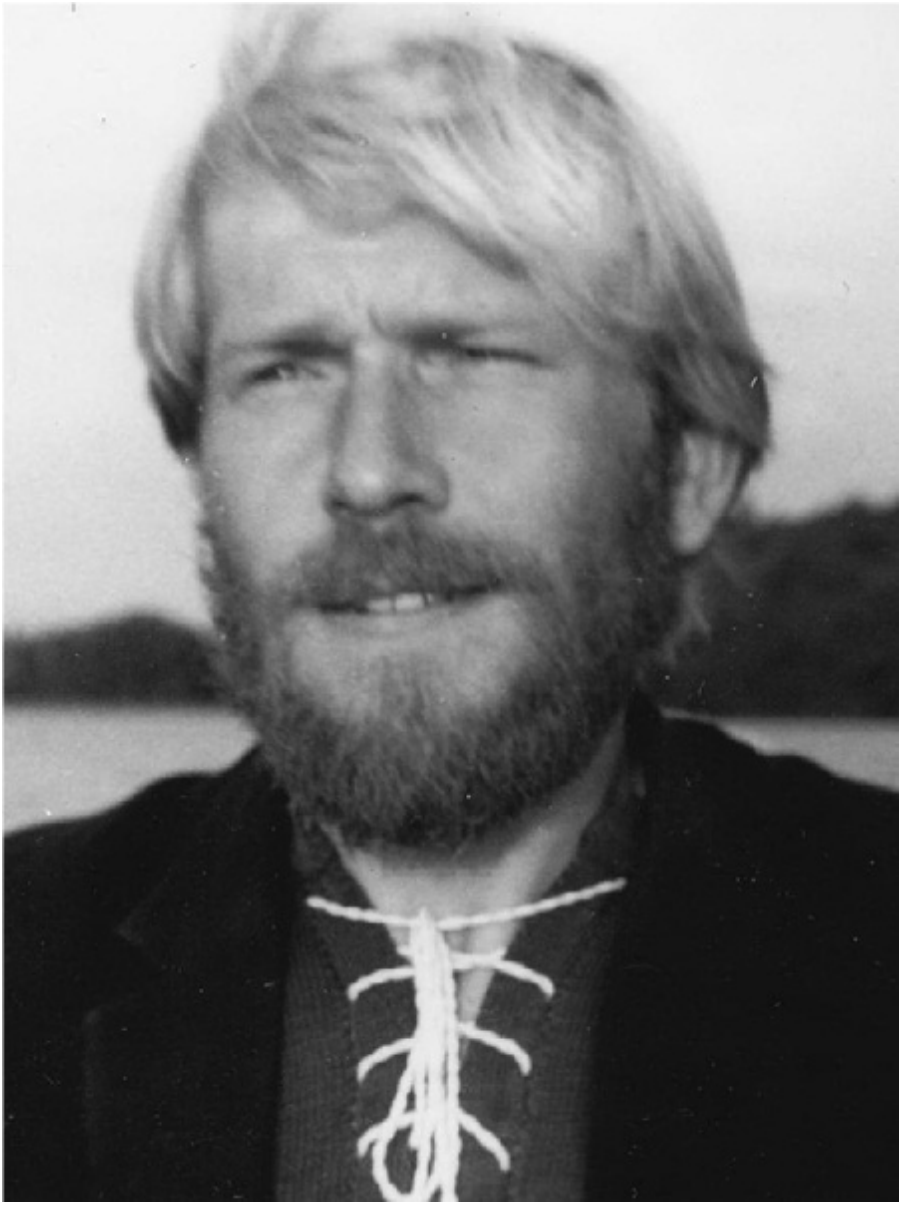
Отец (справа) – работа над курсовиком на 3-м курсе ЛЭТИ (1963)

Мать на защите дипломного проекта (1977)

Выпускники 16 группы ЛЭТИ: отец – второй слева (1966)



Отец после сдачи госэкзаменов (1965)



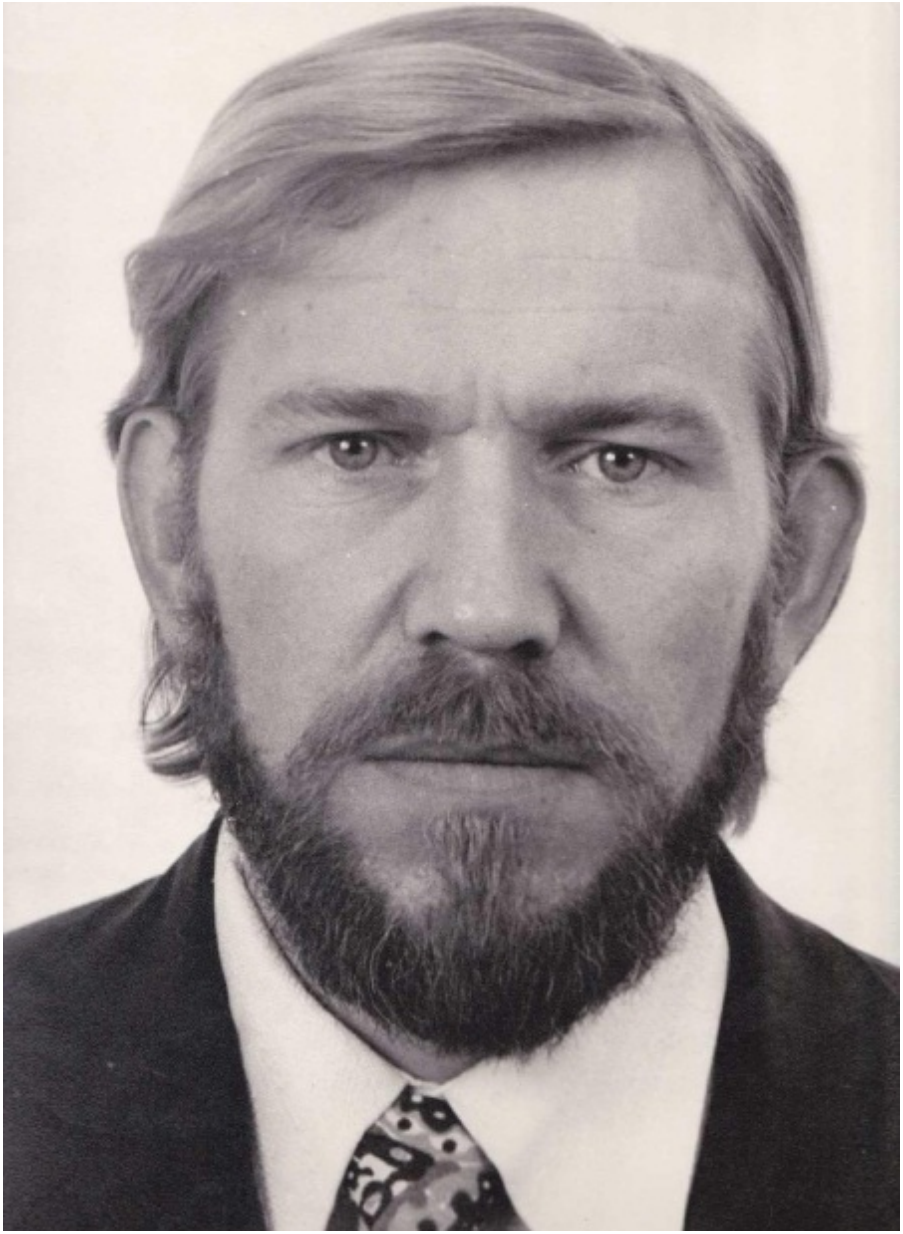
Отец на озере – Псковщина (осень 1968)

Отец и мать – регистрация брака (Ленинград, 07.09.1968)

Отец и мать – регистрация рождения первого сына (сент. 1969)

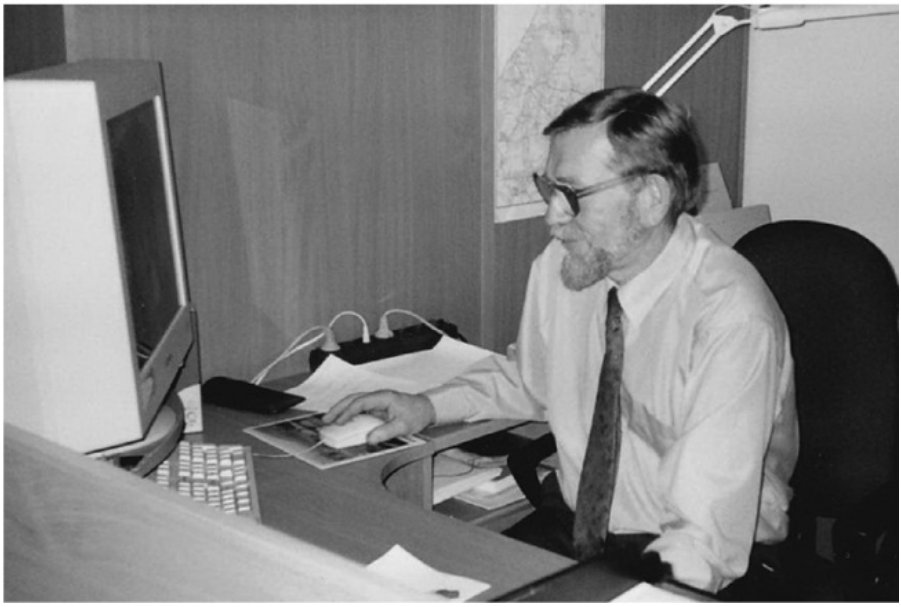
Семья автора (слева) – мать и отец со старшим братом (справа)

Отец (слева) празднует 10 лет окончания института ЛЭТИ (1976)



Отец на доске почета НИИЭФА им. Ефремова (середина 1970-х)

Мать на досках почета НПО «Вектор» (1978 и 1987)



Отец на работе в НИИЭФА-ЭНЕРГО (2003)

55-летний юбилей матери (рядом – отец) в НИИЭФА (2002)

60-летний юбилей отца (справа – мать) в НИИЭФА (2003)

Автор в детстве:

Ленинград (1976) – 5 лет;

Черное море (1982) – 11 лет;

Псковщина и Таллин (1986) – 15 лет

Поездка по Прибалтике (15 лет):

Рига (смотровая площадка)

Кохтла-Ярве (в дороге)

Аблинга (мемориал)

Детство и отрочество (1971–1988)

Воплощение (1971–1974)

Влияние прошлых жизней

Понятие кармы настолько тонкое, что заключения вроде «вы были принцессой в прошлой жизни» меня саму умиляют. Впрочем, подобных заключений в мой адрес было сделано много разными видящими – «советник брата-царя», «духовный учитель в народе», «известный писатель» или же просто «очень древняя душа». К моим собственным трансгрессиям в паранормальный период, которые толковались как кармические, относились некие храмовые сцены, причем храм едва ли принадлежал известным мировым религиям. Впрочем, некое узнавание позже произошло у меня в Непале, когда самолет впервые снижался над Катманду – и ступа почти в центре города посреди долины-амфитеатра сильно напомнила мне мои кармические воспоминания во время ранних паранормальных опытов юности. Как бы то ни было, а нынешний облик всякого человека уже сформирован совокупностью опыта.

Условия рождения

Итак, как очевидно из всей предыдущей родословной, для моей духовной реализации были выбраны более чем странные время и место, иначе не скажешь. Судите сами, 1971 год – самый консервативный период Советского Союза с еще непререкаемым материализмом. Ленинград – монумент 900 дней фашистской блокады, ранее Петроград – город трех революций, исходно Санкт-Петербург – новая столица России как «окно в Европу». Призрачный город, построенный на болоте – в вакууме, негодном для жизни, по искусственному плану (лучшими инженерами и архитекторами), для воплощения которого легло костями много простого народа. Эта сущая «апология страдания» скоро стала культурной столицей, но и истоком «достоевщины», наложившим отпечаток на всю мою бунтовскую и **мученическую** юность.

Болезнь и кризис

Итак, я родилась в неподходящее время в неподобающем месте по контрасту со своими врожденными устремлениями. Шок личности выражался в хронической болезни воспалением легких

– я буквально задыхалась в мокротах. Кризис наступил в 3 года: когда ситуация стала почти фатальной, меня забрали в больницу, не допуская даже мать. Там я стоически молчала, хотя уже умела говорить, а выписали меня в новом отчуждении – я закатывала истерики, когда мать пыталась подойти ко мне, равно как и когда она начинала отходить. Классика психоанализа.

Такой ребенок был непригоден для детсада, и меня отправили к деревню.

Детство на хуторе (1974–1978)

Становление автора в глухой деревне

В ссылке я провела все детство – несколько лет до школы, впрочем, помню их смутно. Дед купил дом на окраине отдаленой деревни, так что оттуда видны были только несколько крыш на горизонте. В традиционной хате кирпичная печь занимала едва ли не четверть пространства, а вокруг простирались поля и леса с озерами. Изоляция была почти полная – никакого телевизора, плохенькое радио, редкие газеты с выцветшими однообразными новостями. Ближайшие соседи были одинокими стариками без детей, и мне не вспоминаются никакие игрушки. Моими друзьями были две большие охотничьи собаки и полдюжины кошек. Вокруг царствовала русская природа, затягивающая в созерцание.

Покой дома нарушали порой пьянки деда, затягивавшиеся глубоко заполночь. Дед был героический – выпивать было за что. Прослужив десять лет в подводном флоте, он прошел три войны, сражался за блокадный Ленинград на легендарной подлодке «Лембит», которая стала музеем в Таллине. Капитану присвоили звание героя Советского Союза, и он написал книгу «По морским дорогам», где упоминал и деда – командира торпедной установки. Алкоголь входил в паек подводников для снятия стресса… Десятилетия спустя, выпивая, он снова оказывался в гуще сражений, мешая ярость со слезами. Будучи трезвым, он много курил, шагал по хате и декламировал.

В таком одиночестве я научилась читать в четыре года, и мне собирали книги со всех деревенских чердаков – волшебные сказки и военные повести. Первые гармонировали с природой, а вторые усугубляли драму дедовских воспоминаний. Мистицизм смешивался с баталиями… Поскольку говорить было не с кем, я принялась писать и еще до школы стала автором кучи сочинений в толстых тетрадях. Писать было о чем: деревенская жизнь была по-своему драматичной. Дед ходил на охоту, соседи-старики ругались, вьюги заметали все тропинки и тому подобное. Так мое общение с собой с раннего детства шло через чтение и писание. В общем, когда меня привезли поступать в городскую школу, я уже была сформированным интровертом и аутсайдером.

Искра самосознания

Было мне тогда примерно 5–6 лет. Зима выдалась холодной, а тьма наступала ранним вечером. Почти все время я сидела в хате на печке и лишь иногда выходила покататься со снежной горы. В тот вечер дед с бабушкой пошли играть в картишки к

соседям, а меня оставили дома. Хата сотрясалось от порывов воющей вьюги, и меня сковывал жуткий ужас. Когда напряжение стало невыносимым, я напялила валенки и ватник, распахнула дверь и вышла в темноту без фонаря. Следы стариков на тропинке уже успело замести, но я находила оставленные вешки из прутиков. Проваливаясь по пояс в сугробы, я брела на далекие огоньки деревенских изб. Неожиданно я совсем успокоилась, слившись с огромным черным пространством над белым полем. Оттуда мне было видно как будто сверху, как бредет мое маленькое тельце. Силясь осмыслить происходящее, я бормотала: «Я иду. Это я. Вот Я». Это было как настоящее откровение – думать о себе… Впервые. Я даже не заметила, как перешла по льду канаву и дошла-таки до ворот дома. Отбив метелкой снег с валенок, я зашла в теплый уютный дом. Мой грандиозный опыт остался не замеченным – не отрываясь от очередной партии козла, старики бросили мельком, погруженные в свои пересуды с соседями: «А, пришла. Ну, посиди пока, скоро обратно пойдем…» Тот бездонный черный космос, из которого я явилась, сразу превратился в «небо с овчинку» между двумя концами тропы. Зато с тех пор помню Себя!

Тройная школа (1978–1988)

Закоснелый аутсайдер социализма

Школьная десятилетка была бы монотонной, если бы не еще две школы жизни. Проведя детство в изоляции и вернувшись в город, я была вполне сформированным интровертом. Училась всегда почти на отлично, но мало общалась, а проводила время за чтением и писательством. Впрочем, меня уважали и избирали старостой класса. Родители – социалистическая интеллигенция со средним достатком: оба инженеры, а отец – начальник отдела в НИИ, посему большую часть времени они проводили на работе. Целые шкафы классической литературы составляли неплохую домашнюю библиотеку. **Я** не помню никаких конфликтов между родителями – жизнь была налажена на поверхности гармонично.

Весь школьный период было еще одно «подполье». По возвращении меня поселили в одну комнату со старшим братом, который давно чувствовал себя хозяином положения в семье. Пока родители были на работе, я подвергалась унижениям и даже побоям, а поскольку такие ситуации возникали спонтанно, это была жизнь в постоянном напряжении при ожидании очередного «нападения». Так я обучалась военному искусству «бежать или защищаться», ибо других вариантов не было. В подростковом возрасте меня использовали для сексуальных экспериментов, хотя не далее стадии «прелюдии». Но отбивалась я ожесточенно…

По контрасту со школьной и семейной «подавленностью» была отдушина – каждые выходные мы выбирались из города на волю в леса. Это была стихия романтики – долгие переходы с приключениями и испытаниями, палатки в глухом лесу (зимой – на снегу), костер всю ночь, бардовские песни под гитару. Хотя все это прививало высокие идеалы Дружбы, Любви, Верности, бардовская поэзия во многом совершенно по-русски возвышала Страдание, Одиночество, Скитальчество. Зародилось это лесное братство на целине, где отец строил. Оно стало третьим миром наряду с формализмом школы и противостоянием брату, который существовал параллельно первым двум, откуда я выпадала.

«Последний год»

Вдруг в последний школьный год все поменялось – брата забрали в армию, я превратилась в лидера второго поколения «лесного братства», а школу почти забросила, хотя посещала занятия оставаясь хорошисткой. В жизни появился мужчина, который играл роль «музы» в творчестве – хотя я называла это любовью, сама старательно избегала проявлений ответных чувств

и держалась на расстоянии, погружаясь в переживания и воплощая их в стихах, песнях, рисунках… Было некое упоение волей и необъяснимая тяга к ранней гибели. Когда спустили занавес выпускного вечера, я неловко попыталась покончить с собой, выбрав явно не самый удачный способ. Вместо того чтобы враз проглотить убойную дозу таблеток, мне хотелось осознавать процесс, поэтому я заглатывала их по одной, причем с интересом наблюдая за ощущениями. Вдруг раздался звонок в дверь – отец никогда не приходил с работы посреди дня, и его объяснения о каком-то друге, который его о чем-то попросил, выглядели сумбурными. Впрочем, снотворное уже стало воздействовать, поэтому я сослалась на головную боль и, свалившись на кровать, проспала до утра следующего дня, наверное 14–16 часов подряд как один глубокий провал. Травиться повторно было нелепо – пришлось закатать рукава и взяться за самостоятельную жизнь.

Это была первая попытка самоубийства, которое обладало для меня притягательной силой еще 8 лет – до первой поездки в Индию. С 17 до 25 лет я жила с острым предчувствием гибели (без всяких видимых причин) и периодически пыталась себя изничтожить самыми разными способами. Здесь начинается юность – собственно именно в момент первой попытки суицида меня заинтересовала жизнь как феномен, и я резко поменяла свои планы поступать на программиста (у меня были прекрасные способности к математике и уже тогда – сертификат оператора ЭВМ, что было диковинной профориентацией по тем временам), а быстро подготовилась к экзаменам на биологический факультет. Впрочем, он меня разочаровал довольно быстро – тем более что социализм начал рушиться вместе с материализмом, и понятие жизни быстро вышло за физические рамки. Но это все уже позже, а на тот момент развитие событий было достаточно фатальным: чтобы продолжать жить, нужно было понять эту самую жизнь.

Путешествия по России

Жизнь в детстве и отрочестве по большей части делилась между городом Ленинградом и деревней на Псковщине. Но это не означает, что я совсем не видела «родной страны» в более широких масштабах. По сути, до развала СССР я успела побывать в большинстве республик, то есть по нынешним меркам – еще в добром десятке стран. В школьный и студенческий периоды поездки носили совсем разный характер и были ориентированы в разных направлениях. В отрочестве – больше запад и юг (блага цивилизации), а в юности – север и восток (дикие горы).

ЮГ – Черное море.

1981 (лето) – Грузия, пионерлагерь под Поти. Посещение пещеры Сатаплиа (10 км от Кутаиси). На групповой фотографии я вторая сверху (10 лет). Само это место называют грузинским парком Юрского периода (есть даже следы динозавров).

1982 (лето) – Украина, Белоруссия, Краснодорский край – поездка с семьей (мне 11 лет) на своей машине через всю страну от Ленинграда до Черного Моря по следующему маршруту. Сначала по России – Ленинград, Луга, Псков, Остров, Опочка, Пустошка, Невель. Далее по Белоруссии – Витебск, Орша, Могилев, Гомель. Далее по Украине – Чернигов, Киев, Полтава, Харьков, Изюм. Далее снова по России – Шахты, Ростов-на-Дону, Краснодар, Горячий Ключ, Архипо-Осиповка (2 недели в кемпинге). Оттуда поездки в Туапсе и Геленджик.

1983 (лето) – Краснодарский край, лагерь в Геленджике.

1984/85 (осень) – Украина, Крым, Евпатория, учебное полугодие в санатории.

1991 (лето) – Армения, Грузия, Украина – в гостях у семьи армянского художника в горном поселке, у барда Ланцберга, у друзей в Севастополе с посещением Херсонеса.

ЗАПАД – Прибалтика

1986 (лето) – Эстония, Латвия, Литва и Белоруссия. Маршрут: сначала по России – Ленинград, Кингисепп, Ивангород. Далее по Эстонии – Нарва, Кохтла-Ярве, Таллин (с посещением музея подлодки "Лембит" – мои фото оттуда были ранее в другом посте), Пярну. Далее по Латвии – Рига, Добеле, Лиепая. Далее по Литве – Паланга, Клайпеда, Аблинга, Каунас, Вильнюс. Далее по Белоруссии – Полоцк; по России – Себеж, Сипкино (Псковщина).

СЕВЕР – Горы и Сибирь

Следующий пятилетний период примерно с 16 до 21 года (1987–1992). Прологом служили регулярные лесные походы в Ленинградской области и на Карельский перешеек, где пешие маршруты постепенно дополнялись скалолазанием. Далее пойдет перечень походов, экспедиций и скитаний – поскольку далее отчасти приводятся описания приключений, здесь буду предельно лаконична (места и даты).

1988 – Хибины (Кировск) – недельная поездка: горнолыжные соревнования (с обучением).

1989 – Урал (Пермь) – зимнее приключение: поиск инопланетян в "Пермском треугольнике".

1990 – Сибирь (Сургут) – летняя геоботаническая экспедиция на нефтяные загрязнения.

1991 – Ладога (остров Валаам) – летняя археологическая

экспедиция (раскопки монастыря)

ВОСТОК – горы и пустыни

Первые два похода совершались со старыми друзьями юности под руководством опытного альпиниста – и целью были сами походы как вызов и романтика. Последующие два похода уже с другими целями и людьми – под руководством Нагваля для отработки принципов «воина» (сталкинг самого себя и внешнего окружения) по философской системе Кастанеды.

1989 – Кавказ (Дигория) – горный поход 1-й категории сложности (ныне Северная Осетия).

1990 – Памир-Алтай (Фанские горы) – горный поход 2-й категории сложности (Таджикистан).

1992 – Таджикистан и Узбекистан – поход по реке Зарафшан с орденом "воинов".

1993 – Туркмения и Узбекистан – поход по реке Амударья с лидером ордена "воинов".

Очевидно, что в направлениях СЕВЕР и ВОСТОК было смешение и переплетение, как в намерениях, так и в датировках. По сути, они отражают метания переходного периода, когда я пыталась отработать собственный способ существования в мире. Так, даже были короткие возвраты на ЮГ и ЗАПАД – странствия снова по Крыму и снова по Прибалтике. Но это несущественно.

Образование и работа (1988–2004)

От поэзии к философии – и далее…

Ни толстые тетрадки детства с моими рассказами, ни повести и стихи школьного периода не сохранились – я слишком любила все выкидывать в стремлении к совершенству (хотя писала каждый день). Полный сборник стихов «Соляной столп» открывается циклом «Последний год» – выпускной год средней школы (зима-весна 1988), когда мне было всего 16 лет. Стихи доминировали весь начальный университетский период (два года), когда тяга к искусству все еще преобладала на фоне погружения в науку биологию. Они продолжали писаться и весь «переходный» период к философии и духовной практике (еще два года), который я сама обозначаю в поэтическом сборнике как «Темное Царство», уж больно все было суицидально…

Процесс появления стихов меня поначалу саму пугал – иначе не скажешь. Это было вроде одержимости неким объектом – чувством или идеей, либо внешним образом – картины, иконы, классическая музыка, сложившаяся тяжелая ситуация (таких было очень много)… Можно было долго бродить одной по улицам (особенно любим был Петербург Достоевского) или неподвижно застывать, стоя в церкви или музее, или сидеть в полудреме на концертах в Капелле и Филармонии… Путанные мысли, сотни исчерканных страниц, – и абсолютное отчаяние, что это никак непередаваемо. И вдруг – провал или взлет куда-то, вслед за чем четкие строки, где не изменить ни одного слова – так все верно! А самое забавное потом – читать, причем именно впервые, ибо в момент записи осознавание было как бы отключено…

Четыре года погружения в классическую философию, когда я почти не выходила из дома, кроме как на лекции и церковные службы, проводя за книгами по 12–14 часов в сутки. Вся классика от Фалеса до Гегеля была внимательно вычитана с карандашом по несколько раз – в моей уже голами пустующей «комнате-музее» доселе стоит целый шкаф таких книг… Разумеется, это была особая практика: не просто прочесть, а сосредоточиться на объектах и источниках этих текстов до такой степени, чтобы видеть их самой, научиться выражать. Кромешное гегельянство того периода заставило меня выучить наизусть 3-томную «Науку логики» Гегеля: диалектика сформировала мое мышление очень надолго… Дипломная работа по «Метафизике» Аристотеля (1992–1996) открывает полный сборник трудов.

Это собрание философских трудов делится на два тома не только из-за объема – он и впрямь накопился изрядный за 14 лет периодов как формирования, так и профессионализма. Один том

составляют тексты, которые писались и переписывались по много раз годами, так что вылизано каждое слово и отструктурирована каждая фраза. Другой том – коллекция коротких импровизаций – доклады на конференциях, статьи в тематические сборники, эссе на вдохновляющие темы. Две самые большие работы (вторая и третья дипломные) вышли в виде отдельных книг, поэтому сюда их включить нереально: «Основные школы хатха-йоги» и «Понятие Мы и суждение Нашей воли». Обе книги были вычитаны моими научными руководителями из Санкт-Петербургского государственного университета.

Страсть к истине завела меня слишком далеко – даже за пределы философии в духовную практику. Уже философский период был весь сильно пронизан занятиями молитвенными и медитационными. Ключевая точка была в 1996, когда я получила первый диплом и сразу уехала в Индию. Как все это произошло – отдельная история, достаточно сказать, что в мои планы это не входила, и я ничего подобного и вообразить не могла бы всего за месяц до первого вылета из России. Еще 4 года – переходный период от Запада к Востоку, когда я занималась социальной философией (1996–2000). И еще 4 года – собственно восточная философия (2000–2004). Дальше опять фатум: поездки в Индию нагнетались, и настало время, когда я просто не смогла вернуться, настолько существенным стало погружение.

2004 – конец философии как таковой, хотя отдельные работы продолжали появляться. С этого года стали выходить мои книги по духовным практикам – а это уже другой жанр.

Лучше гор могут быть только горы…

Предыстория давалась в школьный период, когда все выходные проводились за городом с длительными переходами по лесам, ночевками в палатках, пением бардовских песен под гитару у костра всю ночь напролет и пр. Романтика – не самый худший сценарий для проживания социализма. Все-таки был «высокий дух», хотя и в душевном смысле. Это лесное братство зародилось, когда мой отец в студенческие 60-е годы строил на Целине, там и сплотилась команда, которая по возвращении в Петербург и обзаведении семьями продолжала ходить в леса. Называлась она Айсары (по названию целинского поселка в Казахстане, где все и встретились), был у нее свой «Гимн уродцев» и тогда 20-летние традиции ко времени взросления «второго поколения» – детей целинников. В юности мы ходили уже сами, я была вроде «неформального лидера» в малой обособленной группе, которая после освоения лесов Карельского перешейка и тренировок в скалолазании на ладожских скалах вышла на уровень реальных горных походов под руководством опытного альпиниста.

Первая категория сложности была проделана в августе 1990 года в Дигории (Северная Осетия – Кавказ), а точнее обход вокруг Суганского хребта (с взятием нескольких перевалов), начиная и заканчивая в Дзинаге. Особенно запомнился штурм последнего ледникового перевала под крупным градом, хотя приключений и без того хватало. Вторая категория – годом позже в Фанских горах на юго-западе Памиро-Алтая, воспетых в песнях Юрия Визбора, ныне территория Таджикистана. И здесь нужно напомнить, что именно в эти годы происходили радикальные перемены в моей жизни, которые впредь сделали неприемлемыми "горы ради гор". А паломничества полтора десятка лет спустя – это уже совсем другое и по целям, и по состоянию свершения.

Не то чтобы география этим и ограничивалась – были еще более ранние катания на горных лыжах в северных Хибинах, контакты с инопланетянами в «пермской аномальной зоне» на Урале, поездка с экспедицией в сибирскую тайгу с центром в Сургуте… Просто все это более эпизодические сюжеты, выбивающиеся из мэйнстрима походов, которые завершились для меня двумя вышеназванными – Кавказ и Алтай.

Биолух Царя Небесного (Биофак ЛГУ)

Мотивация моего поступления на биологический факультет сразу после школы складывалась сразу из трех факторов: 1) влияние моего дяди – кандидата биологических наук и тогда замдиректора заповедника; 2) стремление сохранить поэзию (стихи я писала давно и серьезно) без формовки гуманитарным образованием; 3) первая неудачная попытка суицида в 16 лет с вопросом о «жизни» как таковой. Последний случай послужил «спусковым крючком» для подачи документов на биофак, хотя я была слаба в биологии, и мне лучше давались литература с математикой.

Реально, хотя я плотно училась на вечернем и работала на полставки днем, в студенческие годы я проводила много времени в церквях, музеях, театрах, лесных и горных походах – все это служило источником вдохновения для творчества. Однако усилия «поделить жизнь надвое» (как многие делали при социализме) не увенчались успехом – к концу второго курса я уже испытывала мучительный творческий кризис (перестали приходить стихи) и стало ясно, что вопрос о жизни как таковой не решить средствами науки, а смысл жизни запределен самой жизни – так начался выход на философию. Я едва ли смогла бы что-нибудь изменить, если бы моя юность не совпала с Перестройкой. Суммирую опыт учебы и работы, который в некоторых аспектах не прошел даром.

1988–1990 – 4 семестра обучения на вечернем биофаке ЛГУ
1988 (сен-дек) – Физиологический институт ЛГУ – рабочий
1989 (янв-авг) – Биофизическая лаборатория – инженер
1989 (сен-окт) – Фитопалеонтологическая лаборатория – лаборант
1989 (окт) – 1990 (апр) – Ботанический сад ЛГУ – садовник
1990 (июнь) Геоботаническая экспедиция в Сургут – инженер

Последнее приключение – полет в Сургут на нефтяные загрязнения с экспедицией от кафедры Геоботаники ЛГУ – был просто некоторой инерцией после отчисления с биофака, поскольку у меня уже был научный руководитель дипломной работы – прекрасный специалист, кандидат биологических наук Ирина Сергеевна Антонова, и она еще возлагала на меня большие надежды, снабжая серьезной узкоспециальной литературой по темам вроде «эффект застенчивости» в зарослях растений и пр.

«Путь воина» и «Игра в бисер»

Не то чтобы мне хочется об этом вспоминать, но в контексте «Избавления от жития» просто приходится, ибо в самый тяжелый «перестроечный» период заняло изрядное место в жизни, а по тем смутным временам послужило «мостом» для выхода на более серьезные учения и практики…

На одно из первых собраний «ордена магов» созданного Сергеем Степановым, меня привел мой первый возлюбленный Ладо Имедашвили в мае 1990 года. Это был переломный этап, когда я уже оставила СПбГУ и в планах у меня стояла только психушка как «иное сознание», хотя параллельно развивалась тема православия. Ладо разыскал меня сам, прочитав у знакомых мои стихи, а потом обучал меня неевклидовой геометрии, открывая новые для меня сферы в психологии и философии. Он был «свободным философом», впрочем, давая психологические консультации, организуя семинары, занимаясь издательской деятельностью и пр. Научные амбиции у него самого возводились до уровня создания «новой физики». Семья Ладо меня никогда не интересовала – и я узнала о ней уже позже косвенным образом. Сергей же поначалу приезжал в Пушкин к его отцу – известному педагогу Рамазу Имедашвили – вроде советоваться по созданию Университета философских знаний. Так все и закрутилось.

Если в лекторий я пошла без особых размышлений, то отношения с «орденом» на протяжении нескольких лет у меня были неоднозначные – скорее я была в роли «наблюдателя», хотя периодически втягивалась во внутреннюю иерархию, которая была достаточно жесткой и деспотичной. По отзыву одной из участниц, степень «безжалостности» по отношению к людям бывает хуже разве что в войсках спецназа или лагерной зоне. Впрочем, таково было ее личное мнение, и несмотря на всю экстравагантность тайных сборищ, сама я усвоила там довольно верные аспекты в перспективе сочетания философии с практикой, которые нашли впоследствии гораздо лучшую почву при занятиях восточными традициями. Не помешало мне отработать на практике и учение Кастанеды, проштудировав все восемь томов, не говоря уже об интерпретации Сергея Степанова, которая много лет спустя была издана в виде нескольких книг, а тогда давалась нам еще только в виде лекций и распечаток…

В профессиональном ракурсе Кастанеда интересен не столько своими сказками про Дона Хуана, сколько вплетенной в них «Гуссерлианой» – и как самая разработанная современная феноменология она достойна изучения (и изучалась мною позже

серьезнее на занятиях с моим первым научным руководителем Алексеем Черняковым). Особенно она хороша как философская база для описания практического опыта, чем не преминул воспользоваться Кастанеда, о чем он сам неоднократно упоминал в «Дайджестах». Более того, выходила книга, где параллели между Кастанедой и Гуссерлем были прослежены досконально и вполне профессионально. В общем, все это совсем особое направление, которое гораздо серьезнее магических игр с кактусами, которыми никто в философской среде не баловался, хотя психотехниками для управления сознания там владели.

Самыми интересными и драматичными становились наши выездные семинары в Среднюю Азию (тогда еще «советскую») – в двух из них я тоже поучаствовала. Один поход был по реке Зеравшан большой группой, а другой год спустя – по Амударье всего втроем. Если горами меня было уже давно не удивить – ранее сделала два похода: первой категории сложности в Дегории (Кавказ) и второй категории – в Фанских горах (со штурмами ледниковых перевалов, подъемами и спусками по веревкам на отвесных скалах и пр.), то вот воинская отработка «сталкинга» оказалась занятием остросюжетным. Не буду сейчас углубляться в сюжеты (провести ночь одной в пещере посреди пустыни тоже довелось), только отмечу, что тренинг потом отчасти пригодился при путешествиях по Юго-Восточной Азии. Вообще, как я сама подчеркиваю до сих пор, структурные наработки не пропадают.

Все это отошло на второй план, а потом и вовсе было вытеснено из жизни после поступления в 1992 году в Высшую религиозную-философскую школу (институт), где все было еще более предельно серьезно, и пришлось плотно засесть как за древнегреческий, так и за оригиналы философских трактатов. Некоторое время продолжались мои личные отношения с самим Сергеем Степановым, которые возводились к индивидуальным многочасовым штудиям гегелевской логики, но его диктаторский стиль поведения во всем заставил меня пренебречь, в конце концов, всеми его философскими достоинствами и порвать связь.

Психиатрическая лечебница

Делаю глубокий вдох – и частично выполняю данное обещание рассказать про «мои университеты». Хотя «и пошел я в люди» в юности далеко не от тяжелой жизни, а в итоге даже не в ущерб академическому образованию, но меня трудно удивить грязью, болью и ужасами бытия. Мне тогда исполнилось 19 лет – романтика безумия… Впрочем, была достаточно четкая позиция – меня тянуло познавать глубины страдания, и здесь я преуспела.

Сентябрьский хмурый день – впервые подхожу к грязно-желтому зданию отделения, и вижу возвращаются с «прогулки» шеренгу психов в сизых халатах с руками за спиной. Легкий шоковый удар – переступание черты в «другой мир», как спуск в преисподнюю. Видимо, это не совсем лечебница – просто тюрьма на добрую сотню мужиков от мала до велика с всевозможными мыслимыми диагнозами, включая даже криминал (дурка вместо отсидки за убийства, наркотики и пр.), а по тем временам еще и место для политических репрессий (карательная психиатрия). В палатах пусто – а в ванной и туалете (без дверей) стоит густой дым, все вокруг заплевано и засрано в буквальном смысле, сквозь густое месиво безобразных и бессмысленных инетртных тел не протолкнуться… Смены по 12 часов (график сутки через трое), где главное занятие – отмывать загаженные сортиры, а в «свободное время» подолгу выслушивать жуткие исповеди сумасшедших.

У меня и сейчас не хватит душевных сил написать про каждого – это добрая сотня таких биографий, перед которыми отдыхает «Палата № 6», ибо с времен Чехова гуманности только лишь поубавилось. Особенно тяжело давались ночные смены – на все отделение одна санитарка (это я) и одна медсестра, которая при поддержке бравых наркоманов просто накалывала подряд всех буйных снотворными, дабы нас не убили ненароком. Но случались и промашки – однажды пропустили массовую драку, когда целой палатой одного бросили на пол и били ногами, а медсестра лишь бегала вокруг и кричала: «Родные мои, только не до смерти!» Другой раз не оказалось поблизости наркоманов, и мне самой пришлось скручивать буйного простынями. Третий раз нашли заточенные напильники на шкафу, которые явно готовились пустить в дело. Бывало все – увечья, побеги, смерти…

Не ручаюсь за достоверность интерпретации – ибо всю подноготную узнала от психов же, но хорошо помню, как один псих пришел убивать заведующую. Он был криминальным – два убийства (жены вместе с любовником), но на хорошем счету на

отделении как работяга, так что его даже выпускали «погулять», а из города он обычно возвращался пьяным. Вот за это его и решили сдать обратно в тюрьму, так он в последний раз напился – попросил позвать заведующую «попрощаться», а когда она вышла в приемную, то просто взял тяжелый стул за ножку и опустил ей на голову. Впрочем, дама была бывалая – из-за ее спины сразу же выскочили пара телохранителей из медперсонала, успев перехватить мебель еще на лету, а вязать себя он даже не стал мешать. Приговор был ясен – буйное отделение и лоботомия. Всем было понятно, что это конец, да и он протрезвел. Валялся перевязанный на полу и… задушевным голосом запел «Таганку». Потом попросил курить – в приемной запрещено, но медсестра в слезах зажгла папиросу и вставила ему в зубы.

Так каждый день – и всего не перескажешь… С полгода я выдержала – но психика начала сдавать: начались постоянные истерики, а на отделении я просто отключалась от стресса. Иногда даже засыпала в ночные смены в кресле для персонала, что было крайне опасно, ибо достаточно утратить контроль на несколько минут, чтобы у кого-нибудь не случился приступ агрессии – а тормозов нет. За это меня уже собирались уволить, впрочем я сама опередила начальство и написала заявление по собственному желанию – благо других желаний уже не было. ***Я*** успела понабраться всего – болела пару лет, чередуя исступление с отупением, порой пытаясь покончить с собой, правда всегда безуспешно. Меня спасли философия и христианство – точнее, мышление и духовность. А энергетически чистилась еще дольше, но это уже другая история… Про экстрасенсов и паранормальные опыты рассказ последует ниже – спустя еще несколько лет. Надо отметить, что и дурдом относится к негативным паранормальным опытам, поскольку там было много «видящих» и «слышащих».

“От сих до сих, от сих до сих, от сих до сих,
И пусть я псих, а кто не псих? А вы не псих? ”

(Александр Галич)

Хождение по моргам

Не вспомню названия курса, но тогда же с подачи профессора я начала углубляться в тексты вроде «Чумы» Камю и «Тошноты» Сартра, не говоря уже о Ницше с Кьеркегором, тем более что подготовленная почва «достоевщины» у меня уже была в литературе и жизни… Давайте не забывать, что в начале 1990-х это был «интеллектуальный прорыв», если не сказать «омут экзистенционализма», ранее доступный советскому народу немногим более, нежели какая-либо духовная практика – все еще только открывалось, вот и барахтались! Причем, в Перестройку публичные лекции по философии легко собирали огромные залы.

Все это обрело благодатную почву в моих некрофильских тенденциях, когда сразу после увольнения из психушки, не успев толком восстановиться, я начала искать работу в морге, ибо мне хотелось докопаться до самых глубин человеческого страдания и ничтожества. Впрочем, отделы кадров бодро откликались по телефону, но стоило мне появиться лично в воротах морга (истощенная тень с изможденным лицом), как меня быстро заворачивали, даже не утруждая себя очевидным комментарием: дескать, «нам ведь нужны носильщики, а трупов здесь и без тебя хватает». Так я обошла все морги города – но безрезультатно.

В итоге, я удовлетворила свою жажду лицезрения покойников (а ранее я их никогда не видывала) иначе – сходила в анатомичку медицинского института по договоренности поздним вечером, когда там никого не было – лишь сплошной ряд столов с завернутыми в простыни телами. Их пришлось еще и мне самой разворачивать – но на удивление, эмоций не было, а произошло их отключение. В полном отрубе я приехала домой к знакомому преподавателю философии, где уселась молча, вообще ничего не объясняя, но не собираясь уходить. Впав в ярость, хозяин избил меня и вышвырнул на лестничную клетку, где я проспала с тупой головной болью на своем зимнем пальто до утра и уехала…

Экзистенционализм был явно махровый – и в методиках осмысления я нуждалась отчаянно. Тот же профессор пригласил меня подойти в университетское кафе. Он явственно «считал» мое состояние и рассказал, как он с другом маялись депрессиями – друг сгинул-таки, а он выжил, но как? Ответ был в том же духе: «Видите ли, работаешь тут, как собака… Некогда страдать!»

Валаамский монастырь – православие

Я же пошла своим путем – весной отплыла на остров Валаам и в православном монастыре впервые серьезно занялась духовным деланием, далее перешедшим в восточные практики. А вопросы соотношения философии с духовной практикой с самого начала своей карьеры я решала как теоретически, так и практически – вырабатывая осознанные подходе к духовной практике

Итак, уже к лету 1991 я была измучена кошмарами «новой жизни». Полагаясь на интуицию, я вдруг спонтанно завербовалась в археологическую экспедицию на остров Валаам в Ладожском озере и отправилась в плавание. Работа была совсем простая – рыть землю лопатой и расчищать скребками по 8-10 часов в день, что успокаивало. Мы раскапывали древний монастырь на месте действующего. Воспользовавшись ситуацией, я проводила в монастыре свободное время, отстаивая утренние службы до раскопа и вечерние бдения – после работы. Службы были реально монастырские, то есть длились непрерывно часами.

Сам этот монастырь представлял собой по тем временам (говорят, вип-место теперь) едва ли не голый каменный остов с земляным полом – он был больше похож на огромную пещеру, где редкие иконы висели на обмазанных глиной стенах, а в полной темноте впереди маячил всего один монах со свечкой и часами постоянно твердил одну Иисусову молитву. Поскольку сам монастырь был мужским, я стояла у дверей – по серьезному, как вкопанная и с полной концентрацией. Месяц спустя братия была потрясена, узнав, что я была даже некрещеной в то время – для них самих это был образчик редкостного рвения.

Впрочем, вся местная братия тоже была не велика – не более десятка монахов в черном, которых я видела на службах и в трапезной, где я почти ничего не еда, кроме чая с хлебом, целый месяц (что тоже почитали за великое чудо аскетизма) – но мне от молитв просто ничего не хотелось. По случаю, там оказался молодой послушник не меньшей набожности, который взялся за мое просвещение. Христианских философов я читала ранее и службы в церквях нередко отстаивала в Петербурге. Но вот с реальным «духовным деланием» столкнулась впервые – «Добротолюбие» заполонило меня на долгие годы…

Пока вернемся на Валаам в 1991 год. Среди моих занятий было еще одно – ночные прогулки на кладбище за монастырской оградой. Туда вела проселочная дорога, где в сумерках при виде моей призрачной фигуры (а я была отощавшая до невесомости) в окнах крестились хозяева. Впрочем, местность была безопасная –

никакого криминала никогда не встречалось… Меня привлекали там не столько могилы, сколько так называемая «аллея одинокого монаха» на окраине кладбища – два ряда деревьев, посаженных почти вплотную, так что пройти мог только один человек, касаясь стволов плечами, но довольно длинная и утомительная.

По преданию, там ходил туда-и-обратно, творя Иисусову молитву, один почтенный монах, который к тому времени уже преставился. Аллея была завораживающей (особенно в темноте), так что «выйти» из нее было еще сложнее, чем войти. Даже когда наступала ночь и нужно было возвращаться, на открытом конце сила молитвы всякий раз заворачивала меня обратно, пока я едва не валилась с ног. (Все это потом нашло свои коннотации и в практике Шри Ауробиндо, и конечно в випассане при ходьбе.) Наконец, уже к полуночи я возвращаясь и ложилась спать, чтобы по возможности встать к заутрене, а до нее погреться у печи.

Собственно, именно христианская практика была для меня ключевой с 1990 по 1996 (когда я впервые «выпала» в Непал и Индию). Помимо крещения и обычной церковной жизни, я делала множество затворов по строжайшим уставам отцов-пустынников (благо у меня тогда была отдельная квартира) – самый долгий продолжался 3 месяца без перерыва в 1995 году. Сколько бы я ни сидела випассану по буддийским монастырям в Азии, так и доселе ничто не сравнится с моими ранними аскетическими опытами, где «пост, бдение и молитва» порой доводились до необыкновенной слитности. Возможно, опишу их позже…

Доселе мне приходится просвещать на тему «духовной практики» в христианстве тех, кто приходит ко мне учиться восточным практикам. Да, христианство располагает собственной духовной практикой, изложенной преимущественно в собрании писаний святых отцов, известном как 5-томное «Добротолюбие». Православной церкви не приходилось бы «бороться с йогой», если бы народу дали свои продвинутые аскетические практики. Но на них благословляют лишь монахов после послушания.

Духовное делание по «Добротолюбию»

Христианский период был настолько долгим, что мне придется привести факты и события, не углубляясь особенно в личный духовный опыт – во многом его уже поздно описывать, настолько он «перекрыт» восточными практиками в более поздний период.

1988–1990 – скорее поэтическое восприятие христианства, когда чтение писаний и хождение по церквям служило источником вдохновения – см. сборник «Соляной столп».

1990–1992 – обучение на отделении русской религиозной философии в Университете философских знаний, созданном как альтернативное учебное заведение на волне Перестройки Сергеем Степановым. Собственно, попытка собрать свободомыслящую интеллектуальную элиту Петербурга была не так уж безуспешна – там я познакомилась с профессиональными философами, тогда как сам лекторий не выстоял со временем. Основное влияние на мое мышление оказывали труды русских классиков богословия начала XX века – Павла Флоренского и Сергия Булгакова, хотя сильно фонили «достоевщина» и «абсурд» Кьеркьегора («Верую, ибо невозможно!»). Несмотря на изрядную тягу к монастырю, философия пересиливала, и самостоятельное мышление довлело над послушанием. Порывы уйти в монастырь не состоялись.

1991 – первая поездка на месяц в Валаамский монастырь (см. предыдущую главу), где философия получила практическое измерение. Не говоря уже об участии в монастырской жизни, мне дали труды Игнатия Брянчининова по духовному деланию, а также познакомили с «Добротолюбием», которое и стало моим «учебником» на добрых пять лет. Это собрание писаний святых отцов-пустынников, подвизавшихся еще в первых веках новой эры, написанное непростым языком, но скрупулезно дающих практические наставления во всем: аскетизме, творении молитвы, борьбе со страстями и пр. В нем также подробно описываются как искушения, так и достижения. С того времени я начала пробовать делать «затворы», по-своему подражая подвижникам древности.

1992–1996 – обучение в Высшей религиозно-философской школе, где я специализировалась на древнегреческой философии, но также основательно преподавалось христианство (история и богословие). Параллельно произошли три значимых события – открытие моих паранормальных способностей (см. ниже), после чего христианская практика обрела живую реальность, и я сама приняла крещение во Владимирском соборе (1994) под своим же именем «Мария». Далее, я успешно провела 3-месячный затвор

(лето 1995 года), а затем школа переехала в помещение рядом с Иоанновским монастырем, и последний дипломный год (1995/96) я пользовалась удобной возможностью ежедневного отстаивания по часу перед мощами св. Иоанна Кронштадского.

Впрочем, философский период прошел в почти полном затворе за книгами – и даже молилась я в основном дома, сначала повесив на шкаф репродукции икон Рублева, а затем соорудив черную доску с распятием, перед которым отстаивала всенощные, часами кладя земные поклоны. Иконостас ограничивался еще иконой Богоматери, а также в нем прочное место занимали св. Серафим Саровский и пр. Ксения Блаженная. Аскетизм как практику «небрежения плоти» я доводила порой до непосильных «подвигов», испытывая свой организм в самых предельных состояниях, сводя к минимуму еду и сон. Есть раз в день недосыта, посыпая еду пеплом, спать всего несколько часов на наклонной деревянной доске – в общем, всякая йога «отдыхает».

Среди моих собственных текстов по христианству наиболее важна неявная рефлексия моего личного опыта в работе «Контролируемое отчаяние (Опыт ереси)», вошедшей в собрание моих философских трудов «Категория привходящего» (т. 1), хотя были и другие статьи. Конечно, я всегда балансировала на грани «воцерковления», принимая Христа в духе, но устанавливая сложные отношения с духовенством. Наконец, после первого выезда в Непал и Индию (1996), где я приняла также буддийское прибежище, я явилась на свое любимое Валаамское подворье, где мне было велено пройти «чин отречения» как допуск к исповеди. Больше меня там не видели! Но это не положило конец глубокому внутреннему отношению к православию и доселе…

Что и говорить, позже индологию я изучала в Русском христианском гуманитарном институте, и даже в странствиях по Азии пользуюсь шансами акцентировать христианскую тему. Не так уж редко мне приходится обращаться к христианскому духовному деланию и при преподавании духовных практик, ведь многие **ученики –** русские и «в меру» православные.

Еврейский университет (преподавание)

Часто спрашивают, почему при включении христианства в анализ духовных традиций, я почти не затрагиваю иудаизм с исламом. Несмотря на достаточно широкий культурный спектр, я очень разборчива, да и не пишу о том, что мне не известно на личном опыте. Христианским духовным деланием я занималась много лет параллельно с изучением классической западной философии, то иудаизм с исламом не вошли в практическое русло.

А вот «ученые» связи с иудаизмом у меня были в самый ранний период развития. «Петербургский еврейский университет» никуда не пропал, а ныне называется «Институт иудаики» и даже выдает дипломы государственного образца. Я там преподавала в далеком 1994-м году сразу после его основания среди множества альтернативных вузов, да и сама училась в аналогичном.

Штудируя древние языки и философские трактаты в оригиналах, помимо всего прочего я вычитала всю «Метафизику» Аристотеля на древнегреческом. Слава о моих ученых «подвигах» распространялась среди студентов, а также преподавателей: когда ректор еврейского университета решил ввести у себя знакомство с греческой философией, то меня порекомендовали как ведущую спецсеминара на один семестр. Так я вдруг неожиданно оказалась вхожа в неведомую мне ранее еврейскую научную среду.

Состав моих слушателей был весьма примечательным: ректор Илья Дворкин явился на первое занятие, удовлетворенно отметил высокий уровень моего философского дискурса… и укатил куда-то в Европу, повелев записывать мои лекции на диктофон. Помимо него ко мне ходили два преподавателя и один «лучший студент», поскольку семинар сразу решили сделать закрытым, признав его слишком сложным для восприятия обычных учащихся… Немудрено, ведь все на древнегреческом!

Некоторая «обратная связь» от евреев тоже фонила – так я познакомилась с философией Маймонида, а мыслитель Мартин Бубер некоторое время держал меня под сильным впечатлением. Многое было легко воспринимать, поскольку Ветхий Завет вошел в христианскую традицию, а древние иудейские философы были знакомы с трудами своих греческих коллег. Но именно поэтому иудаизм «терялся» в контексте. Не умаляю значение иудаизма, но вернуться к нему, видимо, мне никогда не суждено в будущем.

Экстрасенсорика и православие

«Грешен – и я в свое время был экстрасенсом…»

Владимир Черлин

Часто спрашивают о моих паронормальных способностях, и дабы не пересказывать свою историю каждому по отдельности, отвечаю публично. Надо сказать, я долго не касалась этой темы в своих текстах, особенно еще находясь в академической среде, дабы не портить себе «карьеру», хотя вообще-то среди ученых хватает аномальных личностей, каковыми были и мои учителя.

В 1994 году к экстрасенсу Владимиру Черлину, обратиться мне посоветовал… преподаватель буддизма Андрей Парибок – чиститься от дурдома и чернухи в «ордене магов» (совсем ранняя история). Рекомендация была вполне на научном уровне, да и сам экстрасенс – кандидат биологических наук с полусотней научных работ, что импонировало мне в связи с биологическим прошлым.

Более того, оказалось, что работали они… с христианскими иконами и даже советовали самостоятельно делать это в церкви. Христианство было живым опытом для меня уже добрых пять лет, а после поездки в монастырь введено в практику (1991), так что подобное сочетание меня нисколько не смущало, хотя оно очень скоро смутило церковных чинов, о чем я уже упоминала.

Чувствительность у меня была всегда повышена: хватило всего месяца регулярной работы под целенаправленным потоком, как начало твориться нечто совсем невероятное. Буду лаконична: я начала видеть ауры (два «слоя» – пранический и ментальный), совершать выходы из тела (не теряя осознания) и возвраты в прошлые жизни, воспринимать потоки и поля энергии, встречать сущностей, включая отражение кошмарных бесовских атак…

Однажды выход из тела произошел прямо во время службы на Валаамском подворье монастыря. Меня и раньше часто буквально «уносило» вверх (почти левитация) на молитве, а в тот раз я вылетела сознательно, попросту «потеряв» тело, так что оно упало на плиточный пол, что я успела мельком отметить сверху, но возвращаться не хотелось. Монахи – народ опытный: тело перенесли на скамейку, рядом сел кто-то в черной рясе и буквально «втащил» меня обратно в тело, перебирая чётки.

Так продолжалось почти целый год, когда я в буквальном смысле жила в параллельных мирах, хотя мне хватило силы не бросить серьезное изучение философии, что мне весьма помогало

структурировать все свои паранормальные события с разумных позиций. В целом, ситуация находилась под контролем, да и поддержка самого Владимира Черлина с его двумя помощницами была достаточно ощутимой. Не помешали и двухмесячные курсы биоэнергетики, проводимые другим экстрасенсом-женщиной.

Но вот, наконец, я собралась делать 3-месячный затвор по христианскому «Добротолюбию» (три свободных месяца летом) и пошла прямо перед этим на исповедь на то Валаамское подворье, где монахи выслушивают досконально, хоть часами. Не помню, как зашла речь о видениях, но церковная позиция была заведомо жесткая – пройти чин отречения от экстрасенсорики. Не сработал и аргумент, что именно экстрасенсы и направили меня в церковь.

Так и не привыкнув слушаться кого-либо, кроме Бога, я ответила: «Нет, тогда я буду молиться самому Богу с просьбой перекрыть видения, если они НЕ от него. Но не стану отрекаться, если они сами не прекратятся после молитвы». Хотите верьте – хотите нет, но видения прекратились! Затвор прошел в чистом свете и духовной наполненности без «прелести». Это был один из самых серьезных медитативных опытов в моей духовной жизни.

Разумеется, высокая чувствительность к энергетике в ее чистом виде (потоки и поля) у меня доселе сохранилась, а точнее и усилилась, тем более что далее я стала переходить на восточные практики. Однако с тех пор я очень хорошо понимаю положение астрального уровня в общем духовном контексте. Все духовные традиции относят паранормальные способности к неким вешкам, которые встречаются на пути, но не должны его захламлять.

Но самое интересное меня ожидало, когда я спустя 15 лет полезла в поисковик посмотреть в сети, куда делся Владимир Черлин. Ответ на запрос был получен мгновенно – я сразу вышла на его сайт, где узнала по фотографиям знакомую обстановку тех лет, но была потрясена, открыв его статью на христианском форуме «Почему экстрасенсорика – это плохо?» Да, он покаялся! И после этого много работал над восстановлением наркоманов, да и прочих «заблудших», – так что здесь все сошлось к одному.

«Сопровождение умирающих» – дело самих…

Хотя в советские времена меня лечили непрерывно с раннего детства от всего на свете, к 16 годам мне это надоело – и при получении паспорта и переводе во взрослую поликлинику я просто решила «потерять» раздувшуюся медкарту и попросила завести новую, которая так и осталась практически пустой, ибо к врачам я больше почти не обращалась, а последний случай серьезного обследования относится к 23-м годам… Реально, было от чего беспокоиться – при моих экстремальных экспериментах с аскетизмом той поры, в частности для упрочения в безбрачии я носила под одежной жесткий черный пояс, отчего у меня почти на год прекратились месячные, начались сильные боли внизу живота, а уже вынужденное медицинское обследование с УЗИ показало наличие кисты яичника размером 3 на 4 см. Хотя врачи не могли сказать, была ли опухоль доброкачественной или раковой, выводы у них были примерно следующие: для получения пробы тканей все равно нужно вторгаться в полость живота, поэтому лучше сразу делать операцию по удалению, поскольку при таких больших размерах в любой момент может случится прорыв в кишечник, который приведет к стадии «острого живота», когда в операционную увозят уже на скорой без гарантий спасения пациента… Вот так – я поблагодарила и пошла.

Кто читал о моей бурной молодости эпохи Перестройки, состоявшей из неудачных попыток суицида параллельно с отчаянными поисками духовного выхода, догадывается, что перспективы "помереть на халяву" просто от болезни тогда меня пугали меньше всего… Основной практикой для меня тогда было духовное делание по "Добротолюбию" – разумеется, без благословений, ибо занятия экстрасенсорикой изначально ставили под большой вопрос мои связи с церковью несмотря на сознательное православное крещение. Дождавшись окончания очередного семестра, после сессии я располагала 3-месячным летним отпуском, когда могла реализовать давно вынашиваемые планы длительного затвора. Наличие диагноза только добавило мне вдохновения, благо казалось, что терять уже нечего, а умирать нужно качественно – во время поста, бдения и молитвы:) Думаю, вы уже догадываетесь, чем кончился затвор, предельно жесткую программу которого я и впрямь выдержала безукоризненно… Три месяца спустя я пребывала в полном блаженстве, а тело обрело почти физическую невесомость, и

констатировав "жизнь вместо смерти" я была вынуждена выйти из затвора и снова приступить к занятиям в институте… Провериться сходила специально в другую больницу, где врач удивленно спросил: "Какая киста? Нет у Вас ничего – не выдумывайте!"

Механизм моего выздоровления для меня самой сейчас совершенно очевиден, хотя я даже не ставила тогда цель вылечиться. Конечно, пост работает очень часто на "съедение опухолей", и таких случаев излечения косвенно зафиксировано (сейчас уже не возьмусь копать источники – но помню, что натыкалась на подобную информацию) немало просто в эпохи голода, даже в блокаду Ленинграда. А что касается энергетического целительства, где рассасывание опухоли запускается снятием энергетических блоков (как действуют многие паранормальные целители), то сочетание усиленной молитвы с длительным бдением налаживает такой мощный поток через всю энергоструктуру, что все блоки буквально вылетают! И наконец, само состояние сознания с закономерной поддержкой высших духовных планов и самого Бога, к которому происходит обращение, не оставляет никакого места для сгущения иных вибраций. Как во всякой практике очень важна длительность – день-два ничего не изменили бы в моем состоянии, а 3 месяца непрерывного духовного делания – уже достаточно долгий срок, чтобы произвести нужные преобразования вплоть до физического тела. Разумеется, многое здесь можно трактовать скорее как "ошибки молодости" на стадии поиска – а другого человека подобные эксперименты могли бы вогнать в гроб без преувеличения!

Четверть века практики не прошла даром на физическом уровне… Проведенная для интереса компьютерная диагностика всего моего организма на Бали специалистом с Мальты в 2010 году показала, что все органы работают в норме – так что меня даже поставили в пример «йогичекого здоровья» окружающим балийцам на форуме целительства. Тем не менее, я доселе всегда подчеркиваю: духовная практика не ДЛЯ физического здоровья, которое является лишь побочным эффектом…

Воспоминания о научном руководителе

«Пишите несовершенные тексты!»

(А. Г. Черняков)

Мой первый и самый значимый научный руководитель Алексей Григорьевич Черняков ушел из жизни совсем недавно. Что пишут в некрологе? Гораздо больше, чем я знала во время нашего общения 15–20 лет назад – перечитываю с пиететом:

«14 июля 2010 г. скоропостижно скончался А. Г. Черняков – русский ученый и философ, доктор философских наук, а также доктор философии Свободного Университета в Амстердаме, один из лидеров возрождения философского образования в России. Он закончил математико-механический факультет СПбГУ, занимался теоретическими и прикладными вопросами математики, работал в Институте Социально-экономических проблем РАН, где защитил кандидатскую диссертацию, параллельно он увлекся филологией, изучал древние и новые языки, многими из которых он прекрасно овладел. Постепенно интересы его все больше сдвигались в сторону гуманитарных наук и философии. Он сумел получить прекрасное образование в европейских университетах, учился в Великобритании (Кембридже) и Голландии, защитив докторскую диссертацию по философии, а затем снова защитил докторскую диссертацию по философии в Российском государственном гуманитарном университете (Москва)…» И многое другое.

Хотя немало стараний к побуждению писать философские тексты приложил Константин Семенович Пигров начиная с 1991 года (см. следующую главу), самые ранние пробы оставались еще слишком поэтичны и лаконичны. Когда же я поступила в ВРФШ, где училась в 1992–1996 годах, лекции Чернякова проходили в моей индивидуальной программе красной нитью, и к дипломному году я попросила его стать моим **научным** руководителем. Выбор был далеко не случаен – мои научные интересы заключались в штудировании «Метафизики» Аристотеля на древнегреческом, а лучшего знатока трактата в оригинале было трудно найти, да и многое было проделано мною в рефератах и на консультациях в первые годы – уже было налаженное взаимопонимание.

Вообще, хотя я пишу свои «сочинения» с дошкольного возраста, поэтический период юности настолько сформировал мой стиль, что перейти к философскому дискурсу было очень

сложно. Мои многолетние штудии философских классических трудов позволяли мне погрузиться в текст (марафоны до 18 часов в сутки позволяли мне всецело «вживаться» в такие трактаты как «Критика чистого разума» Канта, «Наука логики» Гегеля и пр. – я в буквальном смысле даже спала с книгами), но никакое ясное и отчетливое видение сути дела не помогало преодолеть барьер «несовершенства». Все написанное казалось мне «не то и не так», поэтому я писала и выкидывала, опять писала и опять выкидывала… Но ведь нужно было написать-таки диплом!

Была некая стадия, на которой мне было проще говорить – я приходила на еженедельные встречи с Черняковым, где произносила длинные сложные монологи на основе своих конспектов и размышлений, но когда он просил: «Так вы теперь все это напишите!» – вымучивала с абзац… Настала критическая фаза, когда он почти отчаялся и заключил следующее: «Вы очень умная, у вас прекрасная интуиция, но ведь это еще не повод давать вам диплом!» Впрочем, он сам нашел радикальный выход, как переломить мой психологический барьер перед текстом. На одной из таких встреч он вдруг решительно потребовал от меня: «ПИШИТЕ НЕСОВЕРШЕННЫЕ ТЕКСТЫ!»

Это была осенизма – после снятия оценочности текст стал создаваться с такой скоростью, что Черняков почти не успевал вычитывать за мной новые главы, а в итоге по объему перевалил за необходимый для дипломной работы едва ли не вдвое… Разумеется, он вовсе не просил меня «халтурить», прекрасно понимая, что я и не смогла бы этого сделать. Просто в моем разуме был нагнетен уже такой концентрат мышления, что он стал просто «выпадать в осадок». Так был создан мой труд «Категория привходящего и выражение «привходящим образом» в Метафизике Аристотеля», сокращенный вариант которого стал моей первой печатной статьей, а краткое название вынесено на обложку двухтомника, где собраны все мои философские труды.

Вообще, в ВРФШ сложился тогда интересный контингент студентов, да и прекрасный коллектив преподавателей: Олег Михайлович Ноговицын; Андрей Всеволодович Парибок и др.

Константин Семенович Пигров был одним из университетских докторов философских наук (он же заведующий кафедрой социальной философии на философском факультете СПбГУ), с которым я познакомилась почти сразу же после переориентации на философию в 1990-м году. Он читал лекции в университете философских знаний, где я сначала обреталась…

Благодаря Пигрову я вышла на экзистенционализм и вообще современную философию, особенно Хайдеггера с его философией техники. Это очень много дало в плане личной «социальной адаптации», ибо тенденции ухода от мира всегда были крайне сильными. Он первым показал мне, что даже вопросы техники можно возводить во всеобщее.

Спустя несколько лет (1996) именно Пигров сыграл роль рецензента на защите моего диплома по Аристотелю в Высшей религиозно-философской школе. Ему хотелось взять меня к себе в аспирантуру, но диплом был негосударственного образца (позже вуз аккредитировали), и формально это было довольно сложно сделать – хоть на первый курс поступай.

При всей занятости, он поддерживал мои исследования в области социальной философии, довольно тщательно вычитал мою книгу «Понятие Мы и суждение Нашей воли» и даже пригласил на заседание кафедры для обсуждения, которое оказалось неожиданно бурным. Рекомендацию на печать не дали с перевесом всего в пару голосов при опросе.

Как сказал один из аспирантов, проголосовавший «за» тем не менее: «В книге много мест, достойных Лакана, но ведь у того есть имя, и он может себе позволить…» Но наиболее негативное восприятие у старичков (профессоров советской закалки) вызвало наличие в тексте понятие «Бога» и его воли как главной движущей силы общества.

Пигров активно приглашал меня выступать на конференциях, даже международных, не говоря о межвузовских и университетских, печататься в сборниках научных трудов, и за 1999–2001 я опубликовала два десятка научных работ, вполне освоившись в той среде. Это был параллельный мир, компенсировавший мое погружение в практику.

Неформальное отношение к философии выделяло Пигрова в университетской среде, где карьеризм довлеет над свободным мышлением. Как-то на одной конференции он сказал: «Вы знаете, я вдруг понял, что я сейчас в раю – ведь что такое рай, как не место, где души обмениваются чистыми идеями…» Вот такие

заявления меня затрагивали…

[В качестве отступления: как-то раз мы сидели на кафедре университета, встретившись для обсуждения моей работы, как вдруг в кабинет зашли и всех в обязательном порядке призвали на лекцию… Игоря Кона по сексологии. Константин Семенович сказал: «Кон – это имя! Очень рекомендую познакомиться…» И действительно, сюжет оказался занимательным.

И вот неожиданно (сексология вообще в 1999-м была еще в диковинку как наука) целый зал преподавателей и студентов оказался во власти автора книги «Клубничка на березке», который профессионально (он как раз завершил исследования в университетах США) громко вещал, как правильно пользоваться смазками для презервативов, какими и когда.]

Та самая моя книга под его редакцией стала аргументом для прохождения международной аттестации на степень магистра философии и психологии личности. На удивление оказалось, что руководитель недолговечной Академии развития сознания была ранее аспиранткой у Пигрова и сама защищала кандидатскую под его руководством. Так сложилась вся мозаика.

Впрочем, после получения вскоре еще двух гос. дипломов, сюжет с этой книгой отошел на задний план и вообще потерял всякую актуальность. Когда же появилась возможность опубликовать ее в электронном виде по законному издательскому договору в «ЛитРес», я не преминула это сделать – как последний росчерк пера под социологией.

Вопрос о карьере всегда стоял амбивалентно, поскольку я развивалась в среде, где многие считали скорее позорным прилепляться к университетам. А Пигров говорил так: «Все мы понимаем, что университет – это наше проклятие! Но ведь надо понять, что университет – это также наше спасение!» Верно, на всякого мудреца довольно простоты.

И вот – 10 лет спустя, как там Пигров… А он теперь «выдающийся ученый России»!

Индология и философия йоги

Роман Викторович Светлов тоже сыграл немалую роль в моем становлении, не оказывая особого влияния. Но сами структуры, которыми он руководил, были прекрасной творческой средой.

Помимо заведования кафедрой на философском факультете СПбГУ, где мы и встретились впервые по поводу публикации одной из моих научных работ, он же заведовал кафедрой философии в РХГИ (ныне РХГА), где был вполне элитный преподавательский состав (лучшие преподаватели СПбГУ, РАН и пр.) и уникальные образовательные программы.

Туда я и поступила для получения второго высшего образования по индологии, но в итоге, уже выучив санскрит с хинди и прочие страноведческие дела, перевелась все же для защиты диплома по теме «Философские основания современных школ хатха-йоги» на кафедру к Светлову, поскольку тематика была именно философская, а не страноведческая.

Конечно, для такой дипломной работы было непросто найти руководителя – Роман Викторович вначале хотел, чтобы им стал известный востоковед Торчинов, с которым он был очень дружен, но тот скоропостижно скончался в лето перед моим последним годом. Посему руководителем стал А.В. Парибок, а оппонентом С.В.Пахомов (оба из СПбГУ).

Поскольку один диплом у меня давно был и я работала редактором в Гуманитарном институте, перед дипломным годом я перевелась в издательство СПбГУ, где Роман Викторович был директором, а моим непосредственным начальством – личный редактор Л.Н. Гумилева. Там мне довелось редактировать и прекрасные классические труды по антиковедению.

Особая благодарность Роману Викторовичу за понимание, когда он согласился отпустить меня прямо в середине дипломного года как с учебы, так и с работы на целых 3 месяца в Индию, благодаря чему моя работа была написана на личном опыте практики йоги со многими индийскими учителями и издана как книга «Петербургским востоковедением».

Это открыло перспективы дальнейшей научной карьеры, но я всех удивила – сразу после получения диплома уволилась с работы и уехала в Индию. Меня не удержало даже предложение индолога М.Ф. Альбедиль оформить соискательство в РАН.

Два года санскрита и хинди

Профессор Валерий Исаевич Рудой сам преподавал санскрит на кафедре индологии в РХГА, который я осваивала на его уроках дважды в неделю целых два года (2001–2003). И мой переход на другую кафедру происходил достаточно драматично…

А теперь немного об индологии как "страноведении" и востоковедении вообще – почему я вернулась к философии как таковой, благо есть повод вернуться к этой теме. Конечно, в современном мире философия не преподается в чистом виде как мышление о мышлении, а любое университетское образование превращается в той или иной мере в историю философии. И хотя по первому диплому у меня специальность "онтология" – "наука о бытии", дипломная работа была написана как анализ "Метафизики" Аристотеля в применением гегелевской диалектики в качестве методологии. Однако мое поступление на кафедру индологии для получения второго высшего образования было опрометчивым поступком (особенно если учесть платность образования, на которое я зарабатывала тяжким трудом редактора поочередно в трех других гос-вузах). Да, отказывается философ долбить географию с экономикой и прочие дисциплины в рамках "страноведения" вместо созерцания "чистого бытия" в реальности, как она есть.

В итоге, после второго курса я перевелась снова на кафедру философии, где и защитила дипломную работу по йоге. А руководителем такой работы Валерий Исаевич Рудой даже сам не брался быть, ибо при всех академических познаниях он НЕ был практикующим йогом. И для меня это решало все! Так же не сложилась попытка оформить соискательство в РАН, введя йогу в область "этнологии", под руководством известного востоковеда Маргариты Федоровны Альбедиль, которой понравились мои книги, и она же содействовала моему научному изданию в "Петербургском востоковедении". Но уже подав документы, я просто уехала с концами в Индию… Как бы то ни было, я премного благодарна специалистам, приложившим усилия к моему образованию, которые не пропали даром, полагаю. Хотя для меня самой духовная практика как восточная философия неукоснительно доминирует над общим востоковедением, занятым культурой народов.

Бхагаван Шри Сатья Саи Баба

Сатья Саи сыграл поворотную роль в моей жизни, хотя я никогда не считала себя «преданной». Итак, как начиналась Индия…

1996.

Я защитила с отличием диплом по «Метафизике» Аристотеля и вознамерилась уйти в более глубокий христианский затвор (предыдущий был три месяца). Хотя опыта молитвенного делания было уже несколько лет, всего через неделю произошел психический срыв – вплоть до спонтанной попытки самоубийства в полусознательном состоянии. Придя в себя, я встретилась с экстрасенсом, который со мной работал, и услышала следующее: «У тебя слишком сильные программы на самоуничтожение. Ничем не могу тебе помочь, да и не знаю никого, кто мог бы снять их здесь в России. Есть один человек – но это в Индии. Зовут его Сатья Саи Баба». Это имя мне ни о чем не говорило.

Нда – ни денег, ни паспорта, ни малейшей идеи. Индия – белое пятно на карте. Было несколько курсов по индийской философии, но как полная абстракция. Впрочем, вариантов тоже никаких – я сделала несколько вялых попыток на предмет финансов, но заработать нужную сумму можно было бы эдак за год. В голове все это не укладывалось. Вдруг через несколько дней звонок в дверь – на пороге появляется бывший пациент психбольницы, где я работала в 1990-м. Диагноз с него давно сняли, и уже много лет я ничего о нем не слышала, хотя раньше немало ему помогла. Почти без слов он начинает вытаскивать из всех карманов деньги, засыпая ими весь коридор…

Через месяц я вылетела – но не в Индию, а в Непал. По какому-то странному стечению обстоятельств мне смогли сделать билеты туда только в Катманду, а обратно из Дели (при полугодовой визе). Не буду уклоняться от темы – до ашрама Сатья Саи в Путтапарти я добралась через пару месяцев, исколесив пол-Индии с остросюжетными приключениями. Два месяца в ашраме прошли однообразно – я с утра до ночи лила слезы, исправно посещая даршаны (не зря же я туда ехала). Правда, никакого дела до аватара мне не было – я была полностью погружена в себя и состояние дикой боли без каких-либо мотиваций. Наконец, я решила, что с меня довольно – дабы провести остаток визы в другом месте.

1998.

Полтора года в России снова прошли очень тяжело – снова философия со сдвигом в индийскую, попытки замещения христианского духовного делания на разного рода садханы. И снова почти безысходность – правда, никаких суицидальных срывов, но неудовлетворенность полная. Мне сделали предложение выйти замуж, но я ответила, что хочу только в Индию. Тогда мой будущий муж продал инструмент, на который он копил несколько лет, и отдал мне все деньги для поездки. Снова полугодовая виза – на сей раз я была намерена сидеть в ашраме «от и до». Перед отъездом пошутила: «Вот если Сатья Саи скажет выйти за тебя замуж, тогда так и будет». А как известно, поговорить с ним и тогда было непросто.

Реально я провела в ашраме четыре месяца, не выходя за ворота (если не считать переезд самого ашрама вслед за Сатья Саи). Меня пригласили вступить в петербургскую группу, и я согласилась. Как раз тогда произошел жутковатый случай с русским преданным по имени Петр, который жил там постоянно. Он делал затворы в своей личной квартире, хотя Сатья Саи велел ему этого не делать, практикуя нечто вроде кундалини-йоги. Когда он долго не выходил, дверь взломали и нашли его помешавшимся. Месяц прошел в борьбе за возвращение его в нормальное состояние, но окончательный итог потряс всех – его нашли повесившимся в той же квартире. Я в ситуации не участвовала – только слышала от других русских.

Сатья Саи взял нашу группу на интервью дважды – один раз сразу после известия о помешательстве Петра, а второй – когда сообщили о его гибели, но никакой видимой связи с этими событиями не было. Оба интервью продолжались около полутора часов. Я сидела молча, а он сам обратился ко мне на каждом интервью всего с одним вопросом: «Как ты?» Первый раз я ответила риторически, а во второй у меня вдруг всплыл вопрос о замужестве. Сатья Саи прикрыл глаза, поводил руками, потом соединил их вместе и произнес: «Не расставайтесь. Сохраняйте отношения». Я вернулась в Россию и вышла замуж, хотя ранее была уверена, что в моей жизни этого никогда не случится. Брак оказался действительно недолгим – всего на 3 года.

2001.

Прошло целых три года замужем. Брак был мягко говоря «ненормальным», благо духовные запросы моего супруга были не менее тотальны, нежели мои. «Затвор на двоих». Штудирование книг по практикам и сами практики. Именно муж навел меня на хатха-йогу как действенное средство для медитации, ибо ранее как философ я относилась к ней совсем пренебрежительно. Но

вот со временем он все больше стал уходить в даосизм как реальную практику, а меня затягивала индийская философия – и я снова решила ставить это дело профессионально, как второе образование. Много всего происходило – всего не перескажешь. В итоге – развод. И вполне закономерный вопль к Сатья Саи – чего стоят все его «благословения»…

В третий и последний раз деньги на поездку в Индию свалились с неба (позже я научилась их сама зарабатывать). На моего нынешнего «представителя» свалилось квартирное наследство, от которого нужная сумма составляла малую часть, и она меня проспонсировала. Три месяца в ашраме Сатья Саи с недолгими посещениями также ашрамов Раманы Махарши и Шри Ауробиндо. Я уже училась на восточном факультете в РХГА и работала редактором в СПбГУ, но мне везде дали длительные отпуска без отчислений и увольнений. На пути в Индию произошла вынужденная посадка самолета посреди ночи на запасном военном аэродроме, и столь экстремальный перелет добавил драматизма во всю ситуацию…

Три месяца прошли монотонно: я посещала даршаны, но не вступала в группы и даже не просила интервью. В принципе, все было и так понятно. Но вот происходящее в моем сознании тоже граничило с помешательством. Трудно описать – нечто вроде замещения мыслей не по своей воле. Любые начинающиеся текущие помыслы вдруг прерывались самовоспроизводящемся «Ахам Брахмасми». Я не повторяла мантру – в мои намерения это вообще не входило. Можно так сказать, она взялась меня повторять, и деваться от нее было некуда. Наконец, восьмичасовой перелет обратно в Россию был сплошным «Ахам Брахмасми» безостановочно. Больше я никогда не возвращалась в ашрам Сатья Саи!

«О божественных именах» – мое триединство

Как-то меня попросили написать «ясно и отчетливо», почему у меня столько имен. Хотя их происхождение объясняется вполне понятно, доселе многие считают, что мне нравится «придумывать себе новые псевдонимы» или нечто подобное. Все это имена, данные мне при разного рода посвящениях, причем не я сама их выбирала. Ставить их на обложки книг изначально предложил редактором, а мне и в голову не приходило. Впрочем, сейчас они функциональны на уровне «ипостасей» моей личности…

Мало кто помнит сейчас, что мое имя «Мария» тоже не просто гражданское имя в паспорте. Повторно оно мне было дано при православно крещении во Владимирском соборе Санкт-Петербурга в 1994 году. К тому времени я пять лет занималась параллельно философией, христианской духовной практикой и разного рода «оккультизмом». Экстрасенсы, которые тогда со мной работали, в целом, опирались на христианский эгрегор и использовали как иконы, так и службы в церкви. Ранее я ничего не публиковала о своих паранормальных способностях и вольных астральных опытах – большинство текстов того времени были просто уничтожены. Но решение о крещении принималось вполне сознательно – создание условий для практики.

Второе посвящение и новое имя я получила спустя два года (1996) при первой поездке в Непал и Индию, где я впервые получила возможность поработать с реальными буддизмом и индуизмом. Началось все с ритрита в Копан-монастыре в Катманду, где я работала с Авалокитешварой и (сравнительно с христианским опытом) чувствовала «недостаточность» связи. Там был русский американец, близкий к известному ламе Чокия Нима Ринпоче – он и попросил его дать мне буддийской прибежище. Поскольку все было на тибетском, мне просто выдали бумагу с именем Долма Джангкху и снабдили портретом Зеленой Тары (имя в переводе), дабы я его не забыла. Впоследствии под ним были переизданы книги, касающиеся целительства и геомантии, но произошло это десять лет спустя после получения имени.

Эти два посвящения и имени – христианское и буддийское – целое десятилетие задавали для меня личную связь между Западом и Востоком. Я долго избегала других посвящений.

Следующий цикл посвящений относится к началу 2006 года, когда я была сознательно намерена принять сразу 3 посвящения в течение месяца. Эти действия обусловливались контекстом уже

долгого пребывания в Индии, где я находилась в довольно сложном сплетении традиций. Углублять свое взаимоотношение с ними мне хотелось равномерно, поэтому я акцентировала три направления – карма-кагью, натха сампрадая и крийя-йога. Везде была проделана к тому времени и продолжалась после довольно большая работа. Но вот новое имя возникло только одно – Шанти Натхини. Это был единственный случай, когда первую часть имени я выбирала сама, а вторая часть просто обозначает факт принадлежности к традиции натхов.

Именно это имя впервые меня и уговорили поставить на обложку готовой к печати книги «Женские даосские практики» прямо перед ее выходом. Я согласилась на условии, что в сведениях об авторе и копирайте будет проведена четкая идентификация с гражданским именем. Это условие особым пунктом вписывалось во все мои договора с издательствами впоследствии – речь никогда не шла о псевдонимах, при которых скрывается личность автора! Впрочем, дальше я сама решала, в какой именно ипостаси я выступаю в каждой конкретной книге.

Наконец, итогом была тенденция к полной интергации своего опыта перед тем, как я покинула Индию в 1997 году. Традиция была выбрана далеко не случайно – а именно, адвайта веданта (принцип недвойственности). С ней я имела дело с первой поездки в индию в 1996 году – начиная с ашрама Сатья Саи Баба, и в дальнейшем адвайта лежала в основании как принцип всего, что я делала. Поскольку меня интересовал именно принцип, а не внешние атрибуты, я приняла именно карма-санньясу, при которой человек внешне продолжает жить социальной жизнью. Но мне опять не позволили самой выбирать имя – имя Атма Ананда было дано Свами Самарпанандой при проведении ритуала. Пришлось смириться… С тех пор я пишу в основном под именем Атма Ананда – это касается текстов, где я занимаюсь объединением и синтезом своего опыта и знаний.

Разумеется, были и другие передачи, при которых имена вообще не даются – например, мастер рейки и пр. Также со многими культурами я работала вообще без посвящений.

Сведения об авторе

Николаева Мария Владимировна (Шанти Натхини, Атма Ананда, Долма Джангкху, Made Шри Нади) – специалист по западной и восточной философии и личностной психологии, действительный член научной Ассоциации исследователей эзотеризма и мистицизма. Автор 30 научных и популярных книг по восточным культурам (общий тираж 115 ООО; 12 переизданий в США, Европе, Азии; миллионы скачивании файлов) и более 100 статей в академических и периодических изданиях; внештатный корреспондент российских и зарубежных журналов, переводчик и редактор классических текстов. Более 20 лет посвятила синтезу духовных практик в разных традициях, из них первые 10 лет занималась западной культурой, начиная с христианства, также осваивая «путь воина», оккультизм, экстрасенсорику и биоэнергетику.

Последние 10 лет проживает и работает в странах Азии. В целом, 5 лет провела в Индии, стажируясь в ашрамах и совершая паломничества к святым местам. Прошла тренинги в йога-центрах, обучаясь у 30 индийских и западных учителей; сертифицирована как инструктор по йоге и принята в Индийскую академию йоги; получила базовые посвящения в крийя-йоге, натха-сампрадае, буддизме ваджраяны (карма-кагью), а также степень мастера рейки. Приняла обеты карма-санньясы в Бихарской школе йоги (адвайта веданта). Затем 2 года проводила исследования по 10-ти странам Ю-В Азии: сидела длительные медитативные ритриты (випассана и дзен), изучала даосизм, тайцзы и др. В итоге, создала авторскую методику "Стратегия самобытности", дополненную до трилогии книгами «Полная пустота» и «Личная реальность» и 5-й год дает индивидуальные консультации на острове Бали (Индонезия).